

ДЭВИД МОРРЕЛЛ

ИЗЯЩНОЕ ИСКУССТВО СМЕРТИ

*Окутанный туманом Лондон станет полем битвы
гениального писателя и маниакального убийцы,
чьи судьбы связаны глубоко погребенной,
но незабытой тайной.*

The Big Book

Дэвид Моррелл

Изящное искусство смерти

«Азбука-Аттикус»

2013

Моррелл Д.

Изящное искусство смерти / Д. Моррелл — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-08893-1

В 1811 году Лондон был потрясен убийствами на Рэтклифф-хайвей, где в течение недели подверглись зверской расправе две семьи. Почти полвека спустя в город возвращается Томас Де Квинси, ярко описавший эту трагедию в своем эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Через несколько дней после его прибытия еще одну семью постигает такая же ужасная смерть. Складывается впечатление, что кто-то вдохновился книгой и пользуется ею в качестве руководства к действию. Подозрение падает на самого Де Квинси. С помощью своей дочери Эмили и двух детективов Скотленд-Ярда он должен узнать правду, прежде чем прольется еще больше крови, и остановить убийцу, жестокостью соперничающего с самим Джеком Потрошителем.

ISBN 978-5-389-08893-1

© Моррелл Д., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Вступление	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дэвид Моррелл

Изящное искусство смерти

Роберту Моррисону и Гревелу Линдону, которые направляли мое путешествие в мир Томаса Де Квинси

MURDER AS A FINE ART

by David Morrell

Copyright © 2013 by Morrell Enterprises, Inc.

This edition published by arrangement with Little, Brown, and Company, New York, New York, USA

All rights reserved

© Т. Матюхин, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

® Издательство АЗБУКА

Вступление

На первый взгляд кажется удивительным, что Англия середины Викторианской эпохи, славившаяся своей чопорностью, буквально сошла с ума от нового жанра художественной литературы – детективного романа. Вышедший в 1860 году роман Уилки Коллинза «Женщина в белом» положил начало тому, что викторианские критики определили как «детективомания». Она оказалась сродни «вирусу, распространяющемуся во всех направлениях», и удовлетворяла «потаенные, нездоровые желания».

Корни нового жанра лежат в готических романах предыдущего столетия с той только разницей, что авторы детективов помещают своих героев не в древние мрачные замки, а во вполне современные дома привычной викторианской Англии. Тьма имеет вовсе не сверхъестественное происхождение. Она гнездится в сердцах с виду респектабельных граждан, чья личная жизнь полна ужасающих тайн. Безумие, инцест, насилие, шантаж, детоубийство, поджоги, наркозависимость, отравления, садомазохизм и некрофилия – вот далеко не полный перечень «скелетов в шкафу», которые, по мнению авторов, скрывались за внешним викторианским лоском.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что повальное увлечение новым жанром, вытаскивающим на свет божий мрачные тайны, являлось естественной реакцией на всеобщую скрытность, характерную для того времени. Трудно даже представить, до какой степени англичане среднего и высшего класса отделяли свою частную жизнь от общественной и насколько тщательно скрывали истинные чувства от посторонних. Общепринятая практика держать окна постоянно зашторенными очень хорошо отражает отношение англичан викторианского времени к своему дому и частной жизни: это священная территория, откуда можно выглядывать наружу, но заглядывать куда запрещено. Тайнами изобиловал каждый дом, их наличие считалось чем-то само собой разумеющимся и не касающимся никого из посторонних.

Скандалный, не вписывающийся в свою эпоху Томас Де Квинси, чьи теории о сверхъестественном на семьдесят лет предвосхитили учение Фрейда, так высказался о всеобщей сдержанности и привычке скрывать личную жизнь: «В одном, по крайней мере, я уверен: ум лишен способности забывать; тысячи случайных событий могут и будут создавать пелену между нашим сознанием и тайными письменами памяти, и тысячи таких же событий, в свою очередь, могут разрывать ту пелену, но, так или иначе, письма те вечны; они подобны звездам, которые, казалось бы, скрываются перед обычным светом дня, однако мы знаем: свет – лишь покров, брошенный на светила ночные, и ждут они, чтоб проявиться вновь, покуда затмевающий их день не сокроется сам».

Де Квинси стал знаменитым, когда совершил поступок, доселе невероятный: выставил напоказ личную жизнь в знаменитом бестселлере «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Уильям Берроуз позднее охарактеризовал это произведение как «первую и до сих пор лучшую книгу о наркотической зависимости».

Жутковатая проза Де Квинси, в особенности эссе «Убийство как одно из изящных искусств», позволяет назвать его родоначальником детективного жанра. Указанное произведение, шокирующее неподготовленного читателя, проливает свет на знаменитые убийства на Рэтклифф-хайвей, которые в 1811 году привели в ужас население Лондона и всей Англии. Заманчивой выглядит идея сравнить эффект, произведенный этими преступлениями, со страхом, охватившим лондонский Ист-Энд уже в конце девятнадцатого века, в 1888 году, когда несколько на шумевших убийств совершил Джек-потрошитель. При этом оказывается, что паника, последовавшая за событиями на Рэтклифф-хайвей, была значительно более масштабной. Причина в том, что эти зверские массовые убийства оказались первыми в своем роде, сведения о которых быстро распространились по стране, – все благодаря растущей значимости

газет (в одном только Лондоне их в 1811 году насчитывалось пятьдесят две) и недавно усовершенствованной системе доставки корреспонденции почтовыми каретами, которые колесили по всей Англии с постоянной скоростью десять миль в час.

Кроме того, все убитые Потрошителем были проститутками, в то время как жертвы убийств на Рэтклифф-хайвей – это деловые люди и их семьи. Джека-потрошителя боялись только «ночные бабочки», а причины испытывать страх перед убийцей 1811 года имел буквально каждый житель Лондона. Подробности того, как преступник расправился со своими жертвами, можно найти в первой главе данного повествования. Кому-то они могут показаться шокирующими, отвратительными, но все основано на исторических свидетельствах.

Много времени ушло с тех пор, как мы прочитали Томаса Де Квинси, но описанный им кровавый ужас все еще свеж в памяти и не утратил своей чудовищной силы. И по сию пору каждая ночь заставляет нас снова и снова дрожать от парализующего волю и невероятно реального страха и вызывает к жизни кошмары, на которые мы обречены тем фактом, что ознакомились с творчеством Де Квинси.

British Quarterly Review, 1863

Глава 1

«Художник смерти»

...Для создания истинно прекрасного убийства требуется нечто большее, нежели двое тупиц – убиваемый и сам убийца, а в придачу к ним нож, кошелек и темный проулок. Композиция, джентльмены, группировка лиц, игра светотени, поэзия, чувство – вот что ныне полагается необходимыми условиями для успешного осуществления такого замысла. Подобно Эсхилу или Мильтону в поэзии, подобно Микеланджело в живописи, великий убийца доводит свое искусство до пределов грандиозной величественности.

Томас Де Квинси. Убийство как одно из изящных искусств

Лондон, 1854 год

Говорят, что Тициан, Рубенс и ван Дейк всегда писали картины, будучи при полном параде. Прежде чем увековечить свои видения на холсте, они принимали ванну и таким образом символически очищали сознание от всего постороннего. Потом надевали лучшую одежду, наикрасивейшие парики, а в одном случае имела место еще и шпага с усыпанным бриллиантами эфесом.

«Художник смерти» готовился похожим образом. Он надел вечерний костюм и два часа сидел, уставившись в стену, – сосредоточивался. Когда на город опустились сумерки и в комнате с занавешенным окном стало темно, он зажег масляную лампу и стал складывать в черный кожаный саквояж свои аналоги кистей, красок и холстов. Был там и парик (вспомним Рубенса) – желтый, ничуть не похожий по цвету на его светло-каштановые волосы. Еще он брал с собой такого же цвета накладную бороду. Десять лет назад бородач привлек бы к себе всеобщее внимание, но последние веяния в моде, наоборот, заставили бы окружающих оборачиваться при виде человека с чисто выбритым подбородком. Среди прочих предметов он поместил в саквояж тяжелый молоток корабельного плотника – старый, с буквами J. P., нацарапанными на ударной части. Вместо инкрустированной бриллиантами шпаги, которую цеплял во время работы на пояс один из художников прошлого, наш «художник» положил в карман бритву с ручкой из слоновой кости.

Он покинул свое логово, прошел пешком несколько кварталов до оживленного перекрестка, чтобы поймать кеб. Через две минуты рядом остановился свободный экипаж; возница гордо возвышался над его блестящим верхом. «Художник смерти» ничуть не обеспокоился тем, что торчит этим промозглым декабрьским вечером у всех на виду. В данный момент он даже хотел, чтобы его видели; впрочем, это было бы затруднительно – с Темзы на город быстро надвигался туман, окружая газовые фонари светящимся ореолом.

«Художник» сунул вознице восемь пенсов и велел отвезти его на Стрэнд, к театру Адельфи. Ловко пробираясь меж заполонивших улицу экипажей, уворачиваясь от хрипящих лошадей, кеб направлялся к толпе хорошо одетых горожан, ожидающих, когда их пустят внутрь. Светящиеся буквы над входом извещали, что сегодня в театре дают нашумевшую мелодраму «Корсиканские братья». «Художник смерти» был хорошо знаком с пьесой и легко мог ответить на любой вопрос о ней, особенно касаясь необычного режиссерского хода в двух первых актах: события в них разворачивались последовательно, хотя на самом деле (и зрителю предстояло это вообразить) происходили в одно время. В первом акте один из братьев видит призрака своего близнеца, а во втором зрителю в красках показывают, как в ту же самую минуту близнеца убивают. Во второй половине пьесы оставшийся в живых брат мстит убий-

цам, мстит жестоко, так что сцену буквально заливают потоки бутафорской крови. Многие посетители театра приходили от увиденного в ужас, но их праведный гнев только способствовал росту популярности пьесы.

«Художник смерти» слился с возбужденной толпой и вместе со всеми вошел внутрь. Карманные часы показывали двадцать минут восьмого. Занавес должны будут поднять через десять минут. В царящей в фойе суматохе он миновал служащего, который предлагал всем ноты «Темы призрака» – мелодии, звучащей в пьесе, – открыл боковую дверь, прошел немного по скрытому туманом переулку и притаился в тени за грудой ящиков. Там он просидел десять минут, терпеливо дожидаясь, не появится ли кто следом.

Убедившись, что все чисто, «художник» выбрался из переулка, прошагал два квартала и снова поймал кеб. Ждать ему на этот раз не пришлось, поскольку свободные экипажи, высадившие седоков возле театра, один за другим двигались по улице. В этот раз путь «художника» лежал в менее фешенебельную часть города. Он закрыл глаза и слушал, как колеса сначала мягко шелестят по ровным гранитным мостовым центральных улиц, а затем подсакивают на мелком необработанном булыжнике старинных переулков лондонского Ист-Энда. Когда «художник» вышел из кеба в районе, где редко встретишь человека в вечернем костюме, возница, несомненно, решил, что седок собирается снять здесь проститутку.

Зайдя в общественную уборную, «художник» достал из саквояжа менее презентабельную одежду и переоделся, а ненужный пока вечерний костюм аккуратно уложил в саквояж. Затем «художник» углубился в узкие улочки, и чем дальше он уходил, тем более убогие дома встречались по пути. Он нарочно перепачкал костюм и заляпал кожаный саквояж грязью. По дороге ему встретился извозчий двор; туда зашел чисто выбритый мужчина со светло-каштановыми волосами, а вышел – с желтой бородой и в такого же цвета парике. Модный складной цилиндр давно уступил место потертой матросской шапке. Плотницкий молоток теперь лежал в кармане рваного матросского плаща.

Прошло два часа, а «художник» все шел вперед. Он никуда не торопился, и столь долгое путешествие его не утомляло. Он даже рад был возможности во всех подробностях еще раз прокрутить перед мысленным взором предстоящую композицию. Наконец под покровом густого тумана он приблизился к цели своего путешествия – ничем не примечательному магазинчику, в котором продавалась одежда для моряков, которых было полно в этом районе, вблизи от лондонских доков.

Он остановился на углу и достал из кармана часы, предварительно удостоверившись, что никто их не увидит. Часы были совершенно чужеродным элементом в здешних бедняцких кварталах, и любой случайный прохожий сразу бы заподозрил, что «художник» совсем не тот человек, за которого себя выдает. Стрелки показывали почти десять. Пока все шло по расписанию. Во время предыдущих посещений «художник» заметил, что местный полицейский проходит по этой улочке в пятнадцать минут одиннадцатого. Точность была отличительной чертой служителей порядка, и каждый патрульный ежечасно совершал двухмильный обход. Время появления полисмена возле магазинчика редко отличалось больше чем на минуту-другую.

Единственным человеком на улице, помимо «художника», была проститутка, которую даже холод не заставил вернуться в ту убогую дыру, которую она называла домом. Женщина шагнула было к потенциальному клиенту, но «художник» так на нее зыкнул, что бедняжка резко остановилась и поспешила скрыться в тумане в противоположном направлении.

Он снова обратил внимание на магазин и заметил, что стекло в единственном окне покрывает тонкий слой пыли и происходящее внутри можно разобрать с трудом. На улице появился мужчина и опустил на окно жалюзи, – как обычно, магазин закрылся в десять.

Когда мужчина вернулся внутрь, «художник» быстро пересек пустую улицу и подошел к двери. Если бы она оказалась уже заперта, он бы постучал в надежде, что торговец не откажется посвятить пять минут припозднившемуся покупателю и, возможно, продать еще пару брюк. Но

дверь была лишь прикрыта; она скрипнула, когда «художник» толкнул ее и зашел в магазин, где было лишь немногим теплее, чем на улице.

Хозяин, как раз собиравшийся погасить висевшую на стене лампу, обернулся на шум. Ему было лет тридцать – худой, бледный, с тоской во взгляде, одет в черную рубашку со стоячим воротничком. Одна пуговица на рубашке отличалась от остальных по цвету. Внизу на брюках была бахрома.

Нуждается ли высокое искусство в достойном предмете? Иными словами, произведет ли убийство королевы больший эффект, чем убийство простого гражданина? Нет. Цель убийства как искусства – пробудить жалость и страх. Никто не станет жалеть убитую королеву, или, скажем, премьер-министра, или какого-нибудь состоятельного человека. Люди, скорее, испытают чувство недоверия, оттого что даже сильные мира сего не застрахованы от смертельного удара. Но потрясение длится не так долго, как жалость.

Нет, жертвой должен стать человек молодой, упорно работающий от восхода до заката, но с незавидным материальным положением; с надеждами и амбициями, с далеко идущими планами, несмотря даже на владеющее им уныние. У жертвы обязательно должны быть любящая жена и дети, находящиеся на его иждивении. Жалость, слезы – вот необходимые составляющие изящного искусства.

– Собирались запереться? Хорошо, что я успел, – закрывая дверь, сказал «художник».

– Жена готовит ужин, но время еще для одного покупателя всегда найдется. Итак, чем могу помочь?

Худой владелец магазина, похоже, не заметил, что борода у припозднившегося покупателя фальшивая; ничем он не показал и того, что узнал посетителя, который неделей раньше уже приходил к нему в ином обличье.

– Мне нужно четыре пары носков. – «Художник» пригляделся и ткнул пальцем за прилавком. – Толстых. Вроде тех, что лежат вон на той полке.

– Четыре пары? – переспросил хозяин. Судя по его тону мало кто совершал такие серьезные покупки. – Они стоят шиллинг за пару.

– Это слишком дорого. Я надеялся на меньшую цену, раз уж беру несколько. Наверное, стоит поискать в другом месте.

За ведущей внутрь дома дверью послышался детский плач.

– Похоже, кто-то голоден, – заметил «художник».

– Лора. Боже, когда она не голодна? – Хозяин вздохнул. – Я добавлю еще пару. Будет пять пар за четыре шиллинга.

– Идет.

Когда хозяин направился к прилавку, «художник» быстро подался назад и задвинул засов на входной двери. Чтобы шум не вызвал подозрений, он громко кашлянул; впрочем, за шарканьем ног торговец и так ничего бы не услышал. Убийца вытащил из кармана молоток и пошел следом.

Хозяин шагнул за прилавок и протянул руку к верхней полке. Носки эти «художник» присмотрел в свой прошлый визит неделю назад.

– Эти?

– Ага, эти. Из плотной ткани.

«Художник» замахнулся молотком. Орудие убийства имело широкую ударную поверхность, оно с шумом рассекло воздух и врезалось в череп торговца. Силы убийце было не занимать. Раздался звук, похожий на тот, с каким раскалывают кусок льда. Несчастный застонал и начал падать. «Художник» нанес еще один удар по голове оседающей на пол жертвы, и на этот раз молоток влажно чмокнул.

Убийца достал из саквояжа рабочий халат и надел поверх одежды. Шагнув за прилавок, он вытащил бритву, открыл ее и, откинув назад изуродованную жестокими ударами голову

хозяина магазина, перерезал ему горло. Превосходно заточенное лезвие вошло в плоть, словно в масло. Хлынувшая из раны кровь забрызгала разложенный на полках товар.

Висящая под потолком лампа, казалось, засияла ярче.

Изящное искусство.

За дверью снова заплакал ребенок.

Убийца отпустил обмякшее тело, и оно почти беззвучно легло на пол. Он закрыл бритву, положил обратно в карман, потом поднял валяющийся рядом с саквояжем молоток и направился к внутренней двери, из-за которой раздался женский голос:

– Джонатан, ужин готов.

«Художник» толкнул дверь и наткнулся на невысокую худощавую женщину, как раз собиравшуюся выйти в помещение магазина. У нее был такой же унылый вид, как у хозяина. Глаза ее широко раскрылись, и женщина с удивлением уставилась на незнакомца в рабочем халате.

– Вы кто такой, черт возьми?

Коридорчик был узкий, с низким потолком. Убийца успел его мельком заметить неделю назад, когда изображал интересующегося покупателя. В этом тесном пространстве, чтобы нанести сокрушающий удар, ему пришлось бить от бедра и вверх, прямо в подбородок несчастной. От удара голова женщины запрокинулась, она застонала, и убийца швырнул ее на пол. Потом опустился на одно колено и, имея теперь пространство для размаха, ударил второй раз. И третий, и четвертый...

Справа находилась дверь в кухню, откуда доносились ароматы вареной баранины. Убийца услышал звук разбившейся тарелки, вскочил, бросился в кухню и увидел девушку-служанку. Он также обратил на нее внимание неделю назад – тогда ее отправили из магазина с поручением. Девушка открыла рот и собралась закричать, но «художник» уже широко размахнулся и нанес удар сбоку, обрывая крик и сокрушая челюсть.

– Мама! – захныкал ребенок.

Убийца развернулся на месте и увидел в коридоре девочку лет семи с волосами, заплетенными в косички. Она сжимала в руках тряпичную куклу и с ужасом смотрела на распростертое на полу тело матери.

– Ты, наверное, Лора, – произнес «художник».

И с силой опустил молоток ей на голову.

На кухне застонала служанка. Он вернулся и перерезал девушке горло.

Потом перерезал горло матери.

И девочке.

«Художник» стоял и, вдыхая аромат баранины, смешивающийся с запахом свежей крови, созерцал созданную им картину. Сердце с такой силой колотилось в груди, что он едва мог дышать.

Он закрыл глаза.

И вынужден был открыть их, когда снова услышал детский плач.

Доносился он откуда-то из глубины дома. Убийца подошел к двери и обнаружил, что та ведет в загроможденную мебелью и пахнущую плесенью спальню. При свете свечи он увидел колыбельку с поднятой плетеной крышкой. Оттуда и доносились крики.

Убийца вернулся на кухню, взял молоток, прошел в спальню и разбил на куски колыбельку, не пропустив и ее содержимого. Потом он, по обыкновению, перерезал жертве горло.

Бездыханное тельце он снова завернул в сверток и положил под сорванную крышку.

Свеча как будто засияла ярче, и «художник» внимательно рассмотрел свои руки, блестящие от только что пролитой крови. Халат, так же как и ботинки, окрасился в алый цвет. Глянув в обшарпанное зеркало, стоящее на блеклом коричневом бюро в спальне, он убедился, что борода, парик и шапка тем не менее остались чистыми.

Он зашел на кухню, налил в тазик воды из кувшина и тщательно вымыл руки. Потом разулся и отмыл от крови ботинки. Халат он снял, свернул и положил на стул.

Оставив окровавленный молоток на столе, «художник» вышел в коридор и оттуда любовался зрелищем тела служанки, лежащей на полу в кухне. Он закрыл дверь, потом прикрыл и дверь в спальню. Затем направился в магазин и по дороге остановился, чтобы оценить, насколько красиво смотрятся на залитом кровью полу коридорчика трупы матери и ее семилетней дочери.

Он прикрыл дверь, ведущую в жилую часть дома, и осмотрелся. Тело хозяина можно было увидеть, только если заглянуть за прилавок. Да, первый утренний покупатель столкнется здесь с массой сюрпризов.

Ужас и жалость.

Изящное искусство.

Вдруг кто-то постучал с улицы, заставив убийцу подскочить на месте.

Стук повторился. Кто-то настойчиво пытался проникнуть внутрь, но «художник» с облегчением убедился, что дверь надежно заперта на засов.

На входной двери не было окошка. Кто бы там ни стучался, при опущенных жалюзи он не мог увидеть, что происходит в доме, хотя, очевидно, свет от лампы проникал на улицу сквозь щели.

– Джонатан, это Ричард! – громко позвал мужской голос. – Я принес одеяло для Лоры. – Он снова застучал. – Джонатан!

– Эй, что здесь такое происходит? – раздался властный голос.

– Констебль, рад вас видеть.

– И что вы тут делаете?

– Это магазин моего брата. Он просил принести еще одно одеяло для дочки. Она простудилась.

– И почему вы ломитесь в дверь?

– Он не открывает. Он ждет меня, но почему-то не открывает.

– Постучите громче.

Дверь задрожала от ударов.

– Сколько здесь проживает человек? – поинтересовался полицейский.

– Мой брат, его жена, девушка-служанка и две их дочки.

– Кто-то должен был услышать ваш стук. Здесь есть еще один вход?

– Да, в том переулке. За стеной.

– Стойте здесь, а я погляжу.

Убийца подхватил с пола саквояж и выбежал в коридорчик, не забыв при этом затворить дверь. Сердце его от волнения громко стучало. Он промчался мимо тел матери и ребенка, едва не потерял равновесие на скользком от крови полу и отпер дверь черного хода. Выскочив в маленький внутренний дворик, он снова не пожалел несколько драгоценных секунд, чтобы закрыть за собой дверь.

Густой туман пах дымом из печных труб. В темноте убийца разглядел какое-то небольшое сооружение – туалет, решил он, – и спрятался позади него в ту самую секунду, когда пыhtящий от напряжения констебль перевалился через стену и осветил дворик фонарем.

– Эй, – позвал он хриплым голосом. Приблизился к двери черного хода и постучал. – Я полицейский! Констебль Беккер! У вас все в порядке?

Он открыл дверь и вошел в дом. Услышав, как полицейский охнул от ужаса, убийца повернулся к возвышающейся за туалетом мрачной стене.

– Боже милостивый, – растерянно пробормотал констебль.

Очевидно, он обнаружил в коридоре трупы женщины и девочки. Деревянные планки пола отчетливо скрипели под его ногами, когда полицейский подходил к убитым.

«Художник» не преминул воспользоваться тем, что констебль в эту минуту был озабочен только кошмарным зрелищем. Он поставил саквояж на стену, подтянулся на руках, схватил саквояж и прыгнул с другой стороны. Там он приземлился на грязный склон, прокатился по нему до самого низа, где едва не свалился в глубокую лужу и насквозь промочил нижнюю часть брюк. При этом убийца, как ему показалось, произвел столько шума, что он испугался, как бы не услышал констебль. Повернув направо, он побежал вдоль стены и быстро скрылся в тумане. Крысы бросались врассыпную из-под ног.

Он услышал, как позади поднимается тревога. Каждый лондонский патрульный имел при себе деревянную трещотку представлявшую собой массивную лопасть, насаженную на рукоятку. Крутясь, лопасть издавала громкие щелкающие звуки. Сейчас констебль пустил в ход свою трещотку, и поднявшийся шум не могли не услышать другие полицейские, патрулировавшие ближайшие окрестности.

Убийца добрался до почти целиком скрытого в тумане переулка. Единственным источником света здесь служил фонарь, находившийся в дальнем его конце.

– Помогите! Убийство! – громко крикнул полицейский.

– Убийство? Где? – заорали в ответ.

– В магазине моего брата! – ответил третий голос. – Сюда! Ради всего святого, помогите!

Повсюду открывались окна, распахивались двери. Вечернюю тишину нарушил топот множества ног.

«Художник» дошел до конца переулка. Фонарь давал достаточно света, и он быстро спрятал окровавленную бритву за кучей мусора. Совсем рядом, скрытые туманом, на крики и шум, производимый трещоткой констебля, промчались несколько человек.

Когда топот стих, убийца выбрался из переулка и зашагал по улице в противоположном направлении, держась ближе к темным домам, готовый в любой момент нырнуть в переулок или укрыться в нише, если услышит за спиной шаги преследователей. Гомон растущей возле магазина толпы постепенно превратился в отдаленное эхо.

Он нашел общественный туалет, снял там желтоволосый парик и бросил его в дырку в полу. За ним последовала борода. Через пять минут, добравшись до границы более приличного квартала, «художник» скинул матросский костюм и снова переоделся в аккуратное вечернее платье. Ненужную больше одежду вместе с кепкой он свернул в узел и оставил на углу – утром какой-нибудь бедняк с радостью ее подберет. Чуть подальше он швырнул в кучу мусора заляпанный грязью саквояж. Он тоже легко найдет себе нового хозяина.

Ориентируясь в густом тумане на топот конских копыт, убийца вскорости вышел на довольно оживленную улицу. На стоянке возле ресторана дожидался пустой кеб. Возница со своей верхотуры окинул взглядом потенциального клиента, заметил вечерний костюм и решил, что этот пассажир, пожалуй, вызывает у него доверие в столь поздний час.

Пока экипаж вез его в мюзик-холл в Вест-Энде, «художник» протер носовым платком ботинки, очищая их от грязи. Оказавшись в мюзик-холле, он прикинулся заядлым театралом, который захотел посмотреть что-нибудь повеселее после кровавой развязки в финале «Корсиканских братьев». По окончании представления он снова поймал кеб (последний на сегодня) и отправился домой. По дороге он размышлял, испытывали ли когда-нибудь Тициан, Рубенс и ван Дейк такое же удовлетворение от своих творений, какое испытал сегодня он.

Глава 2

Человек, который скрывал свои рыжие волосы

Управление полиции Лондона было создано в 1829 году и стало первым официальным органом охраны правопорядка в Англии. Прежде обязанность обеспечивать безопасность горожан возлагалась на престарелых ночных сторожей; им выдавали трещотку и тусклый фонарь, и каждые полчаса, совершая обход по своему району, они должны были перекликаться с товарищами. Частенько, однако, пожилые сторожа преспокойно спали всю ночь в крохотных караульных будках. Когда население Лондона выросло до полутора миллионов, сэру Роберту Пилу было поручено создать городскую полицию. Первые лондонские полицейские (числом три с половиной тысячи) быстро стали известны как «бобби» или «пилеры», по имени сэра Роберта¹.

К 1854 году население английской столицы достигло почти четырех миллионов – это был крупнейший город во всем мире. В то же время численность стражей правопорядка составляла около семи тысяч, то есть выросла только вдвое. Полицейских едва ли было достаточно, чтобы контролировать семьсот квадратных миль, на которых раскинулся город. В дополнение к регулярным силам было создано детективное бюро из восьми агентов, которые проводили расследования в штатском, оставаясь неузнанными. Это обстоятельство беспокоило многих лондонцев, которые были буквально помешаны на том, чтобы сохранить личную жизнь в тайне, и опасались, что за ними установлена негласная слежка.

Детективов выбирали из числа сотрудников регулярной полиции. Они по долгу службы хорошо знали город, но выделяло их из общей массы полицейских необычайное внимание ко всякого рода мелочам. Они могли понаблюдать за оживленным гостиничным холлом или запруженной толпами железнодорожной станцией и с легкостью обнаружить людей, выделяющихся среди прочих: вот вероятный сообщник грабителя на шухере – он застыл на месте, в то время как все вокруг находится в движении; вот, похоже, карманник, который внимательно изучает прохожих, прежде чем выбрать жертву; а вот сутенер – на его лице напряженное выражение, он подсчитывает доход, когда окружающие веселы и беззаботны.

Управление полиции Лондона, так же как и детективное бюро, было расквартировано в районе Уайтхолла, где находилось множество правительственных учреждений. Поскольку вход в управление осуществлялся с улицы Грейт Скотленд-Ярд, репортеры, упоминая лондонскую полицию, со временем стали использовать сокращенное название – Скотленд-Ярд. Неженатые детективы и констебли, как правило, обитали в расположенном неподалеку общежитии. Проживал там и инспектор Шон Райан, сорока лет от роду, которого субботней декабрьской ночью 1854 года в двадцать пять минут после полуночи поднял с постели патрульный и доложил, что в Ист-Энде, в районе Уоппинг, в одном из домов убито несколько человек. Хотя Ист-Энд и славился разгулом насилия, все же убийства там происходили редко. За прошедший год в Лондоне повесили лишь пятерых убийц, и в каждом случае жертва преступления была всего одна. Даже для крупнейшего города в мире убийство одновременно нескольких человек являлось событием из ряда вон выходящим.

Райан накануне обильно поужинал отварной говядиной и пудингом и потому спал плохо. Ему хватило пяти минут, чтобы одеться и проверить, что перчатки лежат в кармане мешковатого пальто. Он вышел на улицу в сопровождении десяти констеблей, с которыми делил комнату, секунду понаблюдал за вылетающим изо рта паром – ночью подморозило – и забрался в

¹ Слово «peeler» можно перевести с английского как «обдирала», а Бобби – уменьшительное от «Роберт». – *Здесь и далее примечания переводчика.*

поджидавший их экипаж. Холодные, окутанные туманом лондонские улицы были практически пустынные в этот поздний час, и полицейские добрались до места преступления за сорок минут.

Там уже собралась большая толпа, словно на публичное повешение, так что кучеру пришлось остановить коляску на некотором расстоянии от нужного дома. Райан и констебли выбрались на грязную булыжную мостовую и пошли в направлении гомонящей публики, пока не уперлись в плотную стену зевак, которые наглухо перекрывали дальнейший путь.

– Это сотворил Джек-попрыгунчик, точно вам говорю! – громогласно заявил один из бездельников.

Джеком-попрыгунчиком прозвали огнедышащего человека с когтями и пружинами на ботинках, который якобы повадился нападать на мирных жителей Лондона семнадцать лет назад и превратился в персонажа городского фольклора.

– Не, это сделал ирландец! Везде, куда ни глянь, торчат эти проклятые ирландцы и выпрашивают деньги! Этот голод – сплошная выдумка! Не было никакого голода!²

– Чертовски верно, приятель! Ирландцы все выдумали, чтобы приехать к нам и отобрать у нас работу! Гнать их назад!

– Нет, черт возьми! Они все воры. Повесить их всех!

Райан, чьи родители эмигрировали из Ирландии, когда он был еще ребенком, долго и упорно работал над тем, чтобы избавиться от ирландского акцента и говорить как настоящий лондонец. Одежда также не могла ничего о нем рассказать. Привыкший к ремеслу тайного агента, он обычно носил кепку как у разносчиков газет, низко надвинутую на глаза, чтобы никто не заметил рыжих волос.

– Констебль, – обратился Райан к одному из сопровождающих, – расчистите путь.

– Слушаюсь, инспектор.

У фонарей под названием «бычий глаз», которые носил с собой каждый полицейский, имелись внутренний отражатель и увеличительные линзы над пропускающим свет отверстием. Слепящие лучи пронзили толпу зевак, и десять полицейских двинулись вперед с громкими криками:

– Все в сторону! Полиция! Очистить улицу!

Райан пошел за ними. Он надеялся, что в присутствии стольких людей в форме толпа не станет обращать внимание на него самого и ему удастся сохранить инкогнито. Наконец они пробились к одному из многочисленных в этом районе магазинчиков, которые снабжали товарами моряков из расположенных неподалеку лондонских доков. Здесь, рядом с Темзой, стояло невыносимое зловоние. В городе отсутствовала канализация, и все продукты жизнедеятельности человека сливались или сбрасывались в реку.

Вход в лавку охранял констебль. Окна были закрыты жалюзи, не дающими возможности заглянуть внутрь.

Как и все штатные полицейские, этот констебль был высок ростом и широк в плечах. Один внешний вид должен был отбить у всякого преступника охоту с ним связываться. На каске и широком ремне имелись значки, свидетельствующие о принадлежности к лондонской полиции, и выведенные золотом инициалы VR, то есть «Королева Виктория».

Райан узнал констебля, в основном по шраму на широком подбородке. Месяц назад они вместе ловили грабителей, и полицейский получил ранение во время схватки со стоявшим на шухере преступником.

– Беккер, это вы?

– Да, инспектор. Рад снова вас видеть. Хотя и хотел бы, чтобы это произошло при более благоприятных обстоятельствах.

² Подразумевается Великий голод 1845–1849 гг., когда в Ирландии случился неурожай картофеля и счет погибших и эмигрировавших шел на сотни тысяч.

– Что вы обнаружили?

– Пять тел.

– Пять? Мне доложили, что их четверо.

– Я так и подумал сначала. Трое взрослых и маленькая девочка. По словам соседей, ей было семь лет.

Семь лет? Райану с трудом удалось совладать с эмоциями.

– Но потом я произвел более тщательный осмотр, – продолжил Беккер. – В спальне я обнаружил кучу каких-то обломков. Я не сразу сообразил, но потом догадался, что это была колыбелька. А затем нашел и мертвого младенца.

– Младенца, – с трудом пробормотал Райан. Борясь с нахлынувшими чувствами, инспектор повернулся к прибывшим вместе с ним констеблям. – Расспросите соседей обо всем, что показалось им необычным. Может, видели незнакомых людей. Важна любая мелочь, которая выглядела подозрительной.

Несмотря на то что отданные Райаном распоряжения казались очевидными, сама методика расследования преступлений возникла лишь несколько десятилетий назад. Наука, получившая название криминологии, зародилась во Франции. Бывший профессиональный преступник Эжен Франсуа Видок завязал с прошлым, устроился на работу в парижскую полицию и в 1811 году организовал особую бригаду из полицейских, работавших в штатском. Ее члены, прикидывавшиеся нищими и пьяницами, наводнили злачные места, где любили собираться местные преступники. В конце концов Видок оставил службу в полиции и основал первое в мире частное детективное агентство. В 1843 году, спустя год после того, как в Лондоне было создано собственное детективное бюро, команда вошедших в него сотрудников – включая и Райана – отправилась в Париж, где сам Видок обучал их своим методам. С тех пор организованное расследование на месте преступления превратилось в стандартную процедуру.

– Заставьте всех соседей понять: важной может оказаться даже самая неприметная деталь, выпадающая из привычной картины. Один из вас останется стеречь вход, пока мы с констеблем Беккером войдем в дом. Никто больше туда заходить не должен. Готовы? – обратился инспектор к Беккеру.

– Это будет нелегко, – открывая дверь, предупредил констебль.

– Не сомневаюсь.

Райан зашел первым.

Из толпы раздался громкий крик:

– Дайте нам войти! Мы тоже хотим поглядеть!

– Точно, – вторил другой зевака. – Здесь холодно!

Райан впустил Беккера и закрыл за ним дверь. В доме отчетливо ощущался запах свежей крови.

Собираясь с мыслями, инспектор осмотрел магазин. Лампа под потолком – колпак покрыт сажей. Грязный прилавок. Полки, на которых лежат одежда и носки – все грубой работы. Закрытая дверь слева от прилавка.

– Когда вы вошли, эта дверь была закрыта? – спросил он Беккера.

– Я вошел через черный ход, но, да, она была закрыта. Я тут осмотрелся и оставил все на своих местах – как вы и учили меня три месяца назад.

– Хорошо. Значит, вы проникли в дом через черный ход. Дверь была не заперта?

– Я легко ее открыл.

– Тогда убийца сбежал черным ходом, перед тем как вы вошли.

– Я так и подозревал.

Райан не стал высказывать свои мысли: Беккеру, похоже, повезло, что, когда он зашел в дом, преступник уже скрылся, – констебль мог оказаться захваченным врасплох и стать еще одной жертвой.

Заметив большое кровавое пятно, инспектор собрался с силами, заглянул за прилавок и обнаружил первый труп. Горло жертвы было перерезано, так что казалось, будто у убитого появился второй рот. По голове, очевидно, несколько раз ударили тупым тяжелым предметом. Тело лежало в огромной луже крови, кровью была забрызгана и лежащая на полках одежда.

Райану лишь несколько раз довелось видеть трупы, находившиеся в худшем состоянии. В предыдущих случаях это было следствием многочисленных крысиных укусов или длительного пребывания в реке. Однако выучка и сейчас помогла ему сохранить спокойствие.

В луже крови валялось пять пар носков.

– Похоже, владелец магазина доставал их, когда это произошло. Где он хранил деньги?

– Под прилавком.

Райан вытащил ящик, открыл и принялся изучать содержимое, состоявшее из золотых, серебряных и медных монет.

– Один фунт восемь шиллингов и два пенса.

– Дела у него, верно, шли неважно. – В голосе Беккера прозвучало сожаление.

– Но для некоторых людей это целое состояние. Почему же убийца не забрал деньги?

Райан прошел к двери слева от прилавка, открыл ее и замер при виде распростертых на полу тел женщины и маленькой девочки. Лица их были ужасно изуродованы, а горло также перерезано.

На несколько мгновений инспектор потерял дар речи.

Однако ему снова удалось быстро совладать с собой.

– Кто-то направлялся к двери черного хода. При этом он наступил в кровь и поскользнулся. Это были вы, Беккер?

– Никак нет, инспектор.

– Отпечаток ноги размазанный, но, пожалуй, можно утверждать, что обувь не подбита гвоздями.

– Вы хотите сказать, что убийца был не из работяг?

– Очень верное замечание, Беккер.

Райан открыл дверь по правую руку, откуда пахло вареной бараниной и кровью. Часто дыша, он осмотрел лежащий на полу кухни труп девушки-служанки. Изуродованное лицо несчастной было искажено болью, но инспектор разглядел на нем веснушки и подумал, что она, возможно, ирландка, как и он сам.

Ему стало не по себе от ужасного зрелища, да и дышать здесь было тяжело, и он отвел взгляд. На кухонном столе рядом с тарелкой он заметил большой молоток. Сердце инспектора забилось с удвоенной скоростью, когда он увидел, что молоток весь покрыт запекшейся кровью.

Никогда еще Райану не приходилось сталкиваться со столькими смертями в одном месте. Голос его, когда он заговорил, был хриплым от напряжения.

– Может быть, жена владельца магазина помешала грабителю, и он не успел открыть ящик с деньгами? Поэтому он ворвался сюда и убил всех, кто был в доме? Чтобы не осталось ни одного свидетеля. Потом в дверь с улицы постучали, преступнику пришлось бежать, и он не успел забрать деньги.

Райан поразмыслил несколько секунд и покачал головой:

– Нет, этот вариант не проходит. Если у него не было времени забрать добычу, почему он потратил драгоценные секунды на то, чтобы закрыть за собой дверь, прежде чем выбежать в коридор?

– Возможно, он не знал о ящичке с наличными? – предположил Беккер.

– Тогда зачем он убил хозяина?

Райан вернулся в коридор и обнаружил, что дверь в дальнем его конце также закрыта. Он открыл ее и оказался в маленькой спальне – судя по количеству мебели, здесь спало много

народу. На полу были разбросаны изуродованные остатки колыбельки. Хотя Беккер и предупредил его, что обнаружил труп младенца, все же инспектор оказался не готов к предстоящему зрелищу. Он едва не лишился чувств, когда увидел крошечное тельце, завернутое в одеяло и небрежно засунутое под изуродованную крышку колыбельки.

– Господи! – вымолвил он.

Двенадцать лет Райан служил инспектором в бюро. Перед этим восемь лет был патрульным. Исходив за эти годы вдоль и поперек крупнейший в мире город, он повидал многое, своими глазами видел, что одно человеческое существо может сотворить с другим, и полагал, что ничего более чудовищного уже не встретит. До сегодняшней ночи. Теперь он осознал, каким же невинным был на самом деле, – никогда он не думал, что это слово применимо к нему самому.

– Младенец. Удар молотком должен был... – Райан замолчал, чтобы справиться с чувствами. – Вы говорите, это была девочка?

– Да, – тихо подтвердил констебль.

– Она умерла бы от одного удара, но он все равно перерезал ей горло. – Инспектор с трудом сдерживал рвущийся наружу гнев. – Зачем, черт побери? Она бы не смогла его опознать. Не было никакой причины убивать ребенка. Он не забрал деньги. Он аккуратно закрыл за собой все двери. Оставил оружие убийства. Почему?! Я не понимаю.

Райан в ярости покинул спальню, прошел по коридору и открыл дверь черного хода.

Перед ним вырос констебль.

– Вам сюда нельзя.

– Все в порядке, Гарри, – заверил коллегу подоспевший Беккер. – Это инспектор Райан.

– Извините, инспектор. Я просто исполняю свои обязанности.

– Вы все сделали как надо, констебль.

Райан шагнул во двор. Он надеялся, что холодный ночной воздух успокоит его, но вместо этого к невыветривающемуся из носа смраду добавился еще и специфический запах сырости и тумана.

– Что здесь обнаружили?

Констебль указал фонарем на туалет, потом осветил плотно утрамбованную землю:

– Я поискал, но земля больно твердая, никаких следов не осталось.

– Вы попали сюда через дом?

– Нет. Констебль Беккер сказал, что чем меньше людей будет в доме, тем лучше. Он попросил меня перелезть через стену как сделал он сам. Вон там, справа отсюда.

– Возьмите фонарь и посветите мне.

Знаменитые густые лондонские туманы – явление уникальное, характерное лишь для этого города, – появлялись, когда дым полумиллиона печных труб смешивался с речным туманом, поднимающимся от Темзы. На городских стенах постоянно лежал слой копоти. Сейчас в свете фонаря хорошо были видны те места, где проникли во двор Беккер и второй констебль.

– Давайте осмотрим всю стену.

Позади туалета в дальнем конце маленького внутреннего двора также оказались следы, свидетельствующие о том, что кто-то здесь перелезал.

– Вот здесь убийца и перебрался через стену, – заключил Райан.

Тем временем толпа у входа шумела все громче.

– Дайте нам войти и посмотреть, что сделал этот мерзавец! Это дело рук чужаков! Никто из тех, кто знал Джонатана, никогда бы его не тронул!

Райан сказал полицейскому, дежурившему у двери черного хода:

– Похоже, скоро здесь станет жарко. Встаньте в переулке. Не позволяйте никому проникнуть в магазин через внутренний двор. Если понадобится, будьте готовы действовать предельно жестко.

– Будет сделано, инспектор. Тот, кто попытается проскочить мимо меня, быстро об этом пожалеет.

Констебль направился к стене и через несколько секунд скрылся в тумане. Свет фонаря сперва потускнел, а затем и вовсе исчез.

Райан послушал, как полицейский, кряхтя, перелезает через стену, а потом обратился к Беккеру:

– Я хочу, чтобы вы составили мне компанию.

– Конечно, инспектор.

Райан подтянулся на руках и, вскарабкавшись на стену, всмотрелся в клубящуюся туманом темноту по ту сторону.

– Дайте мне свой фонарь, пока будете забираться сюда. И постарайтесь не смазать следы убийцы. Нам нужно спуститься чуть дальше.

Когда Райан спрыгнул с противоположной стороны стены, нога его неожиданно попала в грязь, он охнул и едва не заскользил вниз по склону, но успел в последний момент ухватиться за констебля.

– Дождя не было, – недоуменно заметил инспектор. – Откуда здесь появилась грязь?

– Верно. Земля во дворе лавки сухая, как камень, – кивнул озадаченный Беккер. Светя под ноги фонарем, он осторожно прошел несколько шагов по склону. Луч света выхватил из темноты источник смрада более сильного, чем стоял вокруг: вдоль стены пролежала канава, переполненная мутной маслянистой жидкостью. – О господи! Сюда стекают нечистоты из всех соседских сортиров.

В зловонной жидкости плавал труп – похоже, собаки.

Райана от отвращения едва не стошнило.

– Как вы думаете, можно подцепить холеру, вдыхая эту вонь?

– Моя мать постоянно предостерегала меня от этого, – стараясь сдерживать дыхание, проговорил Беккер.

– Вы слышали о докторе Джоне Сноу?

– Нет, – промычал констебль, почти не разлепляя губ.

– Мы работали вместе во время эпидемии холеры три месяца назад. Так вот, Сноу полагает, что холерой заболевают оттого, что пьют грязную воду, а вовсе не потому, что дышат отравленным воздухом.

– Надеюсь, он прав.

– Я тоже очень на это надеюсь, – сказал Райан. – Но давайте поторопимся. Опустите фонарь пониже – в грязи должны были остаться следы.

– Вот они, – кивнул Беккер. – Глубокие.

– Прекрасно. Посветите еще немного ниже. Смотрите: здесь в подошвах тоже не видно гвоздей. Отпечатки довольно свежие. Я смогу снять с них гипсовые слепки.

– Я слышал об этом. Но сам никогда не видел.

– Смешиваете воду со строительным гипсом, пока...

Райан замолк, услышав рядом хрюканье.

Инспектор напрягся.

Снова раздалось хрюканье – теперь громче и ближе.

Где-то слева.

– Свинья, – промолвил Беккер.

– Да, – кивнул обеспокоенный Райан.

– Судя по звукам, крупная хрюшка.

Надо сказать, что во всех районах Лондона можно было встретить разнообразную домашнюю живность. Перебравшиеся в город фермеры, да и обычные рабочие, отчаянно сражающиеся за существование, частенько изыскивали возможность держать во дворе скотину себе на

пропитание. Коровы, свиньи, козы, овечки, цыплята – издаваемые ими звуки стали столь же обыденными для Лондона, как грохот экипажей или топот лошадиных копыт.

Ну а свиньи не только обеспечивали хозяев мясом, но также пожирали отбросы. Если бы не свиньи да вездесущие вороны, Лондон давно бы уже оказался под угрозой превращения в одну огромную помойку.

Свинья снова хрюкнула, и на этот раз звук раздался совсем рядом с Райаном, на уровне его мошонки.

– Когда они очень голодны, они нападают и на людей, – заметил Беккер и, держа фонарь в одной руке, другой вытащил дубинку. – Как-то мне довелось такое наблюдать.

В свете фонаря они увидели торчащую из стены металлическую скобу. Беккер ударил по ней металлическим наконечником дубинки – раздался громкий звон.

– Если эта свинья подойдет ближе, она затопчет все следы и вы не сможете сделать свои слепки. Но пока мы с вами здесь стоим, убийца уходит все дальше.

– И что вы предлагаете? – спросил Райан.

– Кто-то должен отправиться по его следам. А другой должен остаться и охранять эти отпечатки. Идите, инспектор. Вы знаете, что искать. Я останусь здесь и не подпущу свинью.

– Вы уверены, что хотите остаться? – засомневался Райан, глядя в скрывающий все на расстоянии нескольких шагов туман.

– Инспектор, я готов сделать что угодно, лишь бы схватили подонка, сотворившего такое. Идите. И возьмите фонарь.

– И оставить вас в темноте?

– Но в противном случае вы сами останетесь без света и как тогда будете различать следы? Схватите его.

– А если мне не удастся его настигнуть, тогда, возможно, эти отпечатки помогут опознать убийцу. Ну хорошо. – Райан скрепя сердце взял у констебля фонарь. – Спасибо.

– Могу я задать вам вопрос, инспектор?

– Конечно.

– Что мне нужно, чтобы стать детективом? – робко поинтересовался Беккер.

– У вас к тому есть все задатки. – Райан определил, что следы ведут в сторону противоположную той, где скрывалась свинья. – Я верну вам фонарь как можно быстрее.

Он открутил металлическую крышку, чтобы к горящему фитилю попадало больше воздуха. Фонарь сразу засиял ярче. Освещая перед собой дорогу, инспектор направился по скользкому грязному склону. Он услышал, как за спиной снова хрюкнула свинья, а следом в ночи раздался звон от удара полицейской дубинкой по металлической скобе.

Райан шел по следам, держась возле стены. Двигался он, соблюдая максимум осторожности, понимая, что преступник может бродить где-то поблизости. Из темноты к нему протягивал призрачные шупальца туман, под ногами, царапая когтями камни, шныряли крысы. Спустя пять минут инспектор добрался до уходящего вправо переулка, неровная мостовая которого была завалена грудami мусора, и приметил знакомые грязные отпечатки. Дорогу впереди с истошным воплем перебежал кот.

Грязь на обуви убийцы стремительно высыхала, но следы еще были заметны, и Райан дошел по ним до конца переулка, где горел тусклый газовый фонарь. Озадаченный инспектор увидел, что последние читаемые следы ведут к стене по левую руку, а потом возвращаются на мостовую. С правой стороны, где остался магазин Джонатана, доносился шум взволнованной толпы.

«Да, в этой всеобщей суматохе никто, конечно, и не заметил выходившего из переулка убийцу», – с горечью подумал Райан.

Но зачем он здесь подходил к стене?

Подсвечивая себе фонарем, инспектор стал ковыряться ногой в мусоре. Он отшвырнул несколько старых рваных тряпок, куски битого стекла и воняющие мочой обломки деревянного ящика.

Тут его внимание привлек некий светлый предмет. Райан разгреб кучу мусора и наклонился, чтобы изучить находку. В груди у него все сжалось, когда инспектор понял, что рассматривает бритву с рукояткой из слоновой кости.

В то время как инспектор Райан рассматривал бритву, констебль Беккер стоял в крошечной тьме возле стены и чувствовал, как капельки тумана оседают на лице. Из-за стены практически не было слышно шума зевак, которые так и продолжали толпиться возле магазинчика Джонатана. Единственными громкими звуками были стук дубинки констебля и хрюканье проклятой свиньи. Хрюканье это, низкое и хриплое, напоминало Беккеру кашель чахоточного больного, пытающегося отхаркнуть кровь.

– Убирайся от меня к чертовой матери! – громко крикнул Беккер, надеясь испугать животное и заставить его убежать.

Однако свинья отступать не собиралась.

А хрюканье между тем приближалось. Беккеру показалось, что он разглядел неясные очертания в тумане. Полицейский рос на ферме и знал, что свиньи могут достигать веса в два центнера³ – но только в том случае, если у них достаточно пищи. Эта тварь отыскивает себе пропитание, роясь в отбросах да пожирая найденные трупы других животных. Достаточно ли этого, чтобы набрать такую массу? Но даже если на самом деле она весит на треть меньше, чем с опаской предполагал Беккер, и этого вполне хватит, чтобы свалить его на землю, вздумай животное наброситься из темноты. Особенно с учетом того, что констебль стоял на скользком склоне и легко мог потерять равновесие от любого толчка. Его отец однажды, когда кормил свиней, оступился и упал. Огромные мерзкие зверюги немедленно на него набросились. Острыми зубами они вырывали куски плоти из ног и рук несчастного. Хорошо, что юный Беккер услышал отчаянные крики отца и, прибежав на помощь, принялся швырять в свиней камнями, чтобы отвлечь их внимание от жертвы, а отец, воспользовавшись замешательством, сумел перелезть через забор, оставляя за собой кровавый след, и оказался в безопасности.

Беккер помотал головой, чтобы прогнать ужасные воспоминания, и постарался убедить себя, что все это ему только показалось, что наделе он не видел в тумане огромной тени животного. Констебль дышал через раз, чтобы в нос попадало как можно меньше зловония разлагающихся в канаве экскрементов, и от нехватки воздуха немного кружилась голова. Правду ли сказал инспектор, что заболеть холерой скорее можно оттого, что пьешь плохую воду, а не потому, что вдыхаешь всякую гадость? Смрад стоял такой, что Беккер с трудом сдерживал рвотные позывы.

Свинья засопела еще ближе.

Беккеру отчаянно хотелось перебраться через стену и оказаться в тихом, безопасном дворике. Но он хорошо помнил об обнаруженных в магазине пяти трупах и своем обещании стеречь оставленные убийцей следы. Он вовсе не собирался всю жизнь служить констеблем. Беккеру было всего двадцать пять лет, но он уже перепробовал много тяжелых и вредных для здоровья профессий, работал по шестьдесят часов в неделю на кирпичном заводе, пока не сообразил, что высокий рост и могучее телосложение помогут ему устроиться в полицию. Вот уже пять лет, как он патрулировал лондонские улицы, в основном в неблагополучных районах, и при этом проводил на службе больше времени, чем когда пахал на заводе. Каждую ночь он отмахивал по двадцать миль, а выходной имел всего один в две недели.

³ Имеется в виду английский центнер, равный 112 фунтам, или 50,8 кг.

Тем не менее, хотя Беккер и испытывал отвращение от того, с чем ему приходилось почти ежедневно сталкиваться, он гордился, что может на своей работе применять не только грубую физическую силу, но и интеллект. Он мог вовремя остановить проявления жестокости и насилия. Хотя тот же инспектор Райан, конечно, делал это с гораздо большим успехом. Да и жалование детектива составляет восемьдесят фунтов в год, а констебль зарабатывает только пятьдесят пять. И если он может рассчитывать на какие-то дивиденды, стоя здесь и охраняя отпечатки от этой чертовой свиньи, тогда ему нужно собраться с духом и терпеливо дожидаться возвращения инспектора.

Решимость Беккера едва не улетучилась, когда он услышал неподалеку в тумане хрюканье еще одной свиньи.

Эта тварь расположилась с другой стороны от констебля. Окруженный животными, он продолжал периодически стучать дубинкой по стене и кричать:

– Убирайтесь отсюда, вы, сучьи дети!

Внезапно Беккер услышал, как первая свинья хрюкнула и зашлепала по грязи. Прикинув расстояние, констебль размахнулся и нанес сильнейший удар дубинкой. Судя по звуку, он не промахнулся. Тут же свинья огласила окрестности яростным визгом – он напомнил Беккеру детство, когда отец перерезал животным глотки, перед тем как везти на ярмарку мясо.

Широко расставив ноги, Беккер встал над следами, которые поклялся охранять, и ударил еще раз и еще, и каждый раз дубинка соприкасалась с плотью. Свинья завизжала и толкнула человека головой в бедро. Силы в ней оказалось столько, что констебль едва не плюхнулся в канаву с нечистотами.

Он должен сохранить следы в целости!

Пригнувшись, чтобы удержать равновесие, Беккер, как только свинья оказалась в зоне досягаемости, ударил снова. Дубинка врезалась в плоть, и свинья огласила окрестности воплем. Беккер быстро отступил и занял прежнюю позицию, стараясь не повредить отпечатки.

Теперь обе зверюги стояли рядом, так что констеблю не приходилось больше распылять внимание. Но вот если они решат наброситься одновременно, нет никакой надежды остановить тварей. Они собьют его с ног в грязь и станут рвать на куски.

– Хотите побороться? Давайте!

Беккер шагнул вперед – следы теперь находились за его широкой спиной. Он со страшной силой ударил дубинкой наугад и сам был удивлен, когда попал. В раздавшемся громком визге смешались одновременно боль и ярость. При этом ярость перевесила боль. Первая свинья снова бросилась в атаку. Или это была вторая? Беккер не мог утверждать наверняка, да на размышления не было и времени – он замахнулся, ударил, но не попал по мерзкой твари, и тут же в рукав куртки вцепились зубы. Свинья потащила его к себе.

Беккер дернулся в противоположную сторону, рукав оторвался, а сам он рухнул на землю. Следы! Нельзя повредить следы! Ужом он скользнул в сторону, подальше от них, и со стоном привалился спиной к стене, но поскользнулся в грязи и упал на бок. Окаймленная сталью каска слетела и покатилась прочь. Свиньи бросились в атаку. Беккер принялся отбиваться обеими ногами. Он бил по зубам, по тупым рылам. От страха ему почудилось, будто он едет на недавно появившемся хитроумном приспособлении под названием «велосипед» – констеблю довелось его видеть. Он так же яростно молотил ногами, вот только лежал на боку, а толстые подошвы ботинок не нажимали на педали, а чувствовали под собой упругую плоть. Беккер закричал и, корчась, словно червяк, у стены, стал наносить еще более яростные удары.

Нет! Он находится слишком близко от следов убийцы!

Инспектор Райан стоял и исследовал найденную среди мусора складную бритву, когда полицейский фонарь начал гаснуть. Он отвернул крышку, чтобы усилить приток воздуха для лучшего горения, но хитрость не помогла. Фонарь с каждой секундой светил все слабее.

Инспектор потряс его, не услышал плеска керосина и понял, что совсем скоро останется в полной темноте.

Впрочем, света еще вполне хватало, когда он открыл бритву и увидел, что лезвие перепачкано в крови. Он закрыл оружие преступления и сунул в карман пальто.

Наконец фонарь погас. Разглядеть хоть что-то можно было только благодаря светившей в конце переулка газовой лампе. Справа раздавался шум толпы, все еще торчавшей перед магазином. Райан вышел из переулка и зашагал, ежесекундно оступаясь на скользких булыжниках, перебираясь от одной тусклой лампы к другой, в ту сторону, откуда доносились голоса. Чем ближе он подходил, тем светлее становилось – к уличным фонарям добавлялись окна. Владельцы соседних лавочек, чьи жилища располагались сразу за магазинами, были разбужены царящей на улице суматохой и теперь спешили зажечь свет, чтобы лучше видеть происходящее.

Райан подошел к сгрудившимся на мостовой зевакам и попытался проскользнуть между ними к месту преступления.

- Эй, смотри, куда прешь! – рявкнули на него из толпы.
- Полиция. Мне необходимо пройти.
- По мне, так ты не похож на легавого.
- Я детектив, работаю в штатском.
- Ну конечно. А я лорд Палмерстон. Правда, Пит? Я хренов лорд Палмерстон⁴.
- Да, господин Купидон, именно так.
- А этот парень, видать, считает себя королевой Викторией, раз так прет.
- Мне действительно необходимо пройти. Пожалуйста, подвиньтесь, чтобы я...
- Да пошел ты, приятель.

От «лорда Палмерстона» несло джином, и Райан решил попытать счастья в другом месте. Он поднял над головой фонарь, надеясь, что это придаст его действиям убедительности.

- Уступите дорогу. Мне нужно попасть в магазин.
- Эй, где ты украл полицейский фонарь?
- Я и есть полиция. Мне нужно пройти.
- Да, конечно. Где твой значок? Вали лучше отсюда.

Внезапно Райан почувствовал, как чья-то рука залезла в карман пальто. Случившийся поблизости карманник пытался его ограбить. Детектив ударил воришку фонарем по руке.

Несостоявшийся вор закричал:

- У него в кармане бритва!
- У кого? Где?
- Вот у него! У него бритва!

Райан попытался ускользнуть, но его уже схватили несколько пар рук, придавили к фонарному столбу и сильно встряхнули.

Кепка слетела с головы.

- Ба! Рыжий!
- Он ирландец! Мы нашли убийцу!
- Да послушайте меня! Я работаю вместе с полицейскими!
- Тогда что делает бритва у тебя в кармане? Кто-нибудь прежде видел его здесь?
- Никогда! Я бы запомнил эти рыжие волосы!
- Ощущая себя будто голым, Райан попытался вырваться.
- Не, никуда ты не денешься!
- Здоровенный кулак врезался в живот.

⁴ *Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон* (1784–1865) – знаменитый английский государственный деятель. В описываемый период времени возглавлял министерство внутренних дел. Считался дамским угодником, и одним из его прозвищ было «господин Купидон». – *Прим. перев.*

Райан согнулся пополам и, хватая ртом воздух, неожиданно нанес наудачу удар фонарем. Один из державших его мужчин заревел от боли, Райан толкнул его на других, кто-то закричал и упал. Райан мгновенно ринулся в образовавшуюся щель, продолжая размахивать фонарем.

– Не дайте убийце сбежать! – заорали ему вслед.

Преследуемый по пятам разъяренной толпой, Райан увидел переулок, из которого вышел несколько минут назад, и метнулся туда. Но вдали от единственного фонаря стояла такая густая тьма, что он не рискнул в нее соваться – там легко можно было на что-нибудь наткнуться, пораниться и лишиться надежды скрыться от преследователей. В тусклом свете фонаря Райан заметил рядом с местом, где обнаружил бритву, доску от ящика. Он быстро схватил ее и отступил в темноту. Толпа наконец достигла переулка, самый смелый сунулся в него и немедленно получил сильный удар доской по уху.

С воплем мужчина выскочил обратно на улицу.

– Что вы там застряли? – заорали из толпы. – Давайте за ним!

– Вот сам туда и иди! – крикнул в ответ ушибленный, потирая окровавленную голову.

– Что тут происходит? – раздался спокойный, уверенный голос.

– Констебль, мы обнаружили убийцу! Он в этом переулке! У него бритва!

– Отойдите назад!

Туман прорезал яркий луч света.

Через секунду его источник приблизился.

– Это полиция! Назовите себя!

Райан узнал голос. Констебль оказался одним из его соседей по общежитию.

– Привет, констебль Рейли.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Как нарыв на левой ноге? Уже лучше?

– Нарыв на... Господи всемогущий, эти рыжие волосы. Да это же инспектор Райан!

– Врежьте ему! – заорали из толпы.

– Дайте мне дубинку! – попросил Райан.

Констебль молча повиновался.

– И достаньте трещотку.

Полицейский снял с ремня трещотку и откинул рукоятку. В свете фонаря металлическая лопасть выглядела весьма устрашающе.

В карманах мешковатого пальто Райана хранилась масса всяких полезных вещей. Сейчас он извлек из них четыре шерстяные ленточки.

– Это еще для чего? – удивился констебль.

– Чтобы мы не оглохли.

Райан скатал две ленты в рулончик и засунул в уши констеблю. Потом повторил ту же операцию с собственными ушами. Окружающие звуки сразу же стали намного тише.

– Интересное изобретение, – сообщил полицейский.

– Направьте луч фонаря вперед и как можно громче гремите трещоткой. Будем пробиваться назад к магазинчику. Готовы?

– С радостью.

– Ну, тогда давайте наведем порядок.

– Эй, вытащите оттуда этого ирландца! – проревел голос с улицы.

Констебль направил фонарь на толпу и крикнул:

– Дорогу!

Другой рукой он яростно раскручивал трещотку.

– Шевелитесь! – рявкнул Райан, выходя из переулка. В одной руке он держал дубинку, в другой – доску. – Очистите улицу!

Толпа отшатнулась.

– Расходись! – зычно крикнул констебль, изо всех сил крутя трещотку.

Стоявший у них на пути высоченный парень замешкался, получил удар дубинкой по руке, взвыл и ретировался в темноту.

Какой-то смельчак бросился на инспектора, но Райан врезал нападавшему под колено, и тот упал на землю.

Вдруг к одной трещотке присоединились еще несколько, и на улице воцарился настоящий пандемониум. На выручку товарищам мчались другие констебли. Они с ходу врезались в толпу, ослепляя бунтующих светом фонарей, а особо ретивых угощали ударами тяжелых трещоток.

Люди наконец бросились врассыпную.

– Продолжайте поиски! Продолжайте расспросы! – наставлял констеблей Райан. – Кто-нибудь! Одолжите мне фонарь!

Он вспомнил про Беккера, кинулся в магазин и через коридор выскочил на задний двор.

– Беккер!

Райан пробежал мимо туалета и подтянулся на руках на стену.

– Беккер, вы слышите меня?

Он посветил фонарем, пригляделся внимательнее и охнул.

Констебль лежал возле заполненной экскрементами канавы. Его форменная одежда была вся перепачкана кровью и грязью. Рядом валялись две огромные свиньи, также покрытые кровью, – похоже, дохлые.

– Беккер! – взмолился инспектор. – Скажите что-нибудь! Вы в порядке?

Констебль зажмурился от яркого света.

– Свиньям не удалось затоптать следы. Я сохранил их, как и обещал. Теперь вы можете сделать с них слепки.

Глава 3

Англичанин, употреблявший опиум

Лауданум имеет рубиновый цвет. Это настойка, состоящая на 90 процентов из спирта и на 10 – из опиума. На вкус она горькая. Честь изобретения лауданума принадлежит одному швейцарскому алхимику – в самом начале шестнадцатого века он обнаружил, что опиум гораздо лучше растворяется в спирте, чем в воде. Он также добавлял в настойку толченый жемчуг. В шестидесятые годы семнадцатого века английский врач доработал формулу, исключил из нее посторонние примеси вроде толченого жемчуга и выписывал лауданум в качестве лекарства против головных болей, болей в животе и других внутренних органах, а также как средство при нервных расстройствах. К описываемому периоду лауданум был настолько широко распространен как обезболивающее, что хотя бы одну бутылочку можно было обнаружить практически в каждом доме. Учитывая тот факт, что производными опиума являются морфин и героин, репутация лауданума как сильного болеутоляющего была вполне обоснованна. Производители лауданума, такие как «Бэрлиз седэтив солюшн», «Макманнз эликсир» и «Мазерс Бэйлис куитинг сирэп», рекламировали его как отличное средство при зубной боли, подагре, диарее, туберкулезе и раке – и это далеко не полный список. Женщины применяли лауданум, чтобы облегчить болезненные спазмы при менструации. Его давали детям, страдающим коликами.

В пятидесятые годы девятнадцатого века еще не существовало четкого определения наркотической зависимости. Хотя некоторые врачи обращали внимание, что длительный прием лауданума может вызвать зависимость от препарата, большинство простых людей рассматривали пристрастие к лаудануму как одну из привычек, порождаемых слабоволием, которую легко можно побороть с помощью характерных для Викторианской эпохи добродетелей – дисциплины и характера. Соответственно, распространение лауданума не регламентировалось никакими законами. Его без проблем и дешево можно было купить у любого ближайшего аптекаря. Но поскольку рецепта на нее не требовалось, настойку также легко было приобрести в бакалейной или мясной лавке, портновской мастерской, у уличных торговцев, владельцев таверн и даже сборщиков арендной платы. Рекомендуемая доза – и то только при определенных симптомах – составляла двадцать пять капель, или треть чайной ложки, с наставлением не применять лекарство в течение длительного времени. Однако многие люди эпохи королевы Виктории не обращали внимания на эти ограничения и становились полностью зависимыми от лауданума, хотя негласные законы викторианского общества не поощряли граждан признаваться в том, что они оказались слабы духом.

Невозможно точно сказать, сколько англичан того времени испытывали наркотическую зависимость. Но число их должно было быть значительным, если учесть, что миллионы употребляли лауданум ежедневно. Бледность многих дам из средних и высших слоев общества, частое отсутствие у них аппетита, периодические обмороки, склонность проводить много времени в одиночестве в темных покоях, бросающаяся в глаза вычурность забитых мебелью и увешанных от пола до потолка коврами гостиных, вечно закрытые тяжелые шторы на окнах – все это свидетельствовало об охватившей страну зависимости, хотя, согласно тем же неписаным законам викторианского общества, его члены не могли обсуждать эту тему.

Однако Томас Де Квинси не делал тайны из своей зависимости. В 20-е годы XIX века он стал самым знаменитым писателем в Англии благодаря тому, что имел смелость подробно описать пагубную привычку в приобретшем скандальную славу национальном бестселлере «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». В этой книге Де Квинси описывает, как впервые попробовал наркотик. Это случилось в 1804 году, когда он купил в аптеке немного лауданума,

чтобы облегчить постоянные «боли в голове и лице». В то время он был девятнадцатилетним студентом Оксфорда, и преследовавшие его боли, очевидно, являлись следствием нервного напряжения – он, молодой человек, едва сводивший концы с концами, вынужден был днем и ночью находиться рядом со смотревшими на него свысока обеспеченными студентами. На протяжении девяти лет он непрерывно увеличивал частоту приема и дозы и к 1813 году мог сдерживать непреодолимое влечение к лаудануму лишь на краткие промежутки времени и ценой огромных усилий. В итоге его дневная норма выросла с трети чайной ложки до невероятного количества – шестнадцать унций. Для человека, непривычного к настойке опия, и одной унции было бы достаточно, чтобы вызвать смерть.

Несмотря на злоупотребление лауданумом (а может, наоборот, благодаря ему), Де Квинси написал ряд выдающихся эссе, которые по праву считаются одними из лучших в девятнадцатом столетии. Среди них такие, как «Английская почтовая карета» и «О стуке в ворота у Шекспира („Макбет“)». Последнее считается классикой среди критиков Шекспира. Его воспоминания о Вордсворте, Кольридже и других литературных деятелях бесценны. Однако Де Квинси не в силах был писать достаточно быстро, чтобы обеспечивать жену и восьмерых детей. Испытывая постоянную нужду в деньгах, он часто менял места жительства, преследуемый взыскателями долгов.

Однажды разгневанный домовладелец год удерживал Де Квинси фактически в плену в меблированных комнатах и заставлял его писать и писать, чтобы погасить огромную задолженность. Комната, в которой он обитал, была, по выражению Де Квинси, «занесена» листами бумаги. «На столе не было свободного места даже для того, чтобы поставить чашку чая, ни единая половица не просматривалась между дверью и камином». Спасшись из плена ему удалось хитростью: он попросил своего издателя прислать вместе с бумагой и письменными принадлежностями слабительные соли. Опиум оказывает такое закрепляющее воздействие, что Де Квинси, бывало, в течение пяти дней не мог опорожнить кишечник. Но в этот раз все было по-иному. Приняв огромную дозу слабительного, он несколько дней провел, практически безвылазно, в единственном на весь дом туалете. Остальные обитатели меблированных комнат настолько осточертели хозяину жалобами, что он неохотно, но отпустил Де Квинси на все четыре стороны.

В 1854 году Де Квинси было шестьдесят девять лет. Жена его была уже мертва, так же как и трое сыновей. Остальные дети рассеялись по свету: кто в Ирландии, кто в Индии, кто в Бразилии. Исключение составляла лишь Эмили, его последний ребенок, двадцати одного года от роду и единственная незамужняя из дочерей. Эмили добровольно приняла на себя уникальное в своем роде обязательство: присматривать за гениальным, эксцентричным и непредсказуемым отцом.

Из дневника Эмили Де Квинси

Воскресенье, 10 декабря 1854 года.

Сегодня утром я снова обнаружила, что отец ходит взад и вперед по внутреннему двору. Опять он проснулся намного раньше меня – должно быть, еще до рассвета. Я уверена, что слышала ночью, как скрипели половицы под его ногами, когда он направлялся мимо моей двери к лестнице и потом – бродить по темным улицам. Отец говорит, это единственный способ прогнать прочь мысли о лаудануме – направить все усилия на то, чтобы ходить и ходить и проделывать не меньше пятнадцати миль в день.

Небольшой рост только подчеркивает теперешнюю худобу отца. Я опасаясь, как бы его чрезмерные упражнения не причинили больше вреда, чем пользы. Манера его разговора также меня беспокоит. До того как мы покинули наш дом в Эдинбурге и отправились в Лондон, чтобы поспособствовать распространению нового сборника произведений отца, он обычно вставал с

тяжелой головой не раньше полудня. В течение длительного времени он категорически отказывался ехать в Лондон, но внезапно переменял решение. Он объявил, что это очень важная поездка, и я с удивлением наблюдала за его активными приготовлениями. Вскороости он взял за привычку просыпаться в девять. Буквально через пару недель время подъема отца сдвинулось на шесть утра. Во время поездки из Эдинбурга он не мог усидеть на месте и ходил по вагону, щеки его горели от напряжения.

– Чтобы отказаться от приема лауданума, – настойчиво повторял отец.

Но я-то знала, что он не отказался полностью от пагубной привычки. Среди упакованных книг и одежды находились и два пузырька с этой гадостью.

Особенно я встревожилась после такого его заявления: «Если я и дальше буду вставать все раньше: в пять, в четыре, в три, то эдак скоро окажусь во вчерашнем дне».

А я убеждена, что именно во вчерашний день ему бы и хотелось попасть. Мне кажется, эта поездка в Лондон важна для него больше именно возвращением в прошлое, нежели продвижением сборника. Или, возможно, обе цели одинаково важны и переплетаются между собой.

Дохода, который приносит занятие отца, совершенно недостаточно для того, чтобы можно было позволить себе такой шикарный дом, в каком мы здесь обитаем. Вместе с домом нам также досталась женищина средних лет – она выполняет обязанности горничной и кухарки. Отец клянется, что не знает, кто оплачивает счета, и я ему верю. Быть может, один из его старых знакомых тайком решил помочь нам совершить это путешествие, вот только я не могу вообразить, кто бы это мог быть. Ведь большинство его знакомых, Вордсворт и Кольридж например, уже скончались, или, как говорит отец, «присоединились к большинству», ведь за многие века людей умерло значительно больше, чем сейчас проживает на свете.

Наш дом находится рядом с площадью Рассел-сквер. Когда мы только прибыли (было это четыре дня назад), отец очень удивил меня, предложив прогуляться с ним немедленно, не распаковывая вещей. Мы прошли несколько кварталов и оказались на площади, где я с радостью обнаружила чудесный парк – настоящее чудо посреди шумного города. Ветерок разогнал туман. Светило солнце, что, как объяснил мне отец, для декабря редкое явление. Он рассматривал траву и голые, без листвы, деревья, и по сиянию его голубых глаз я поняла, что он погружен в воспоминания.

– Когда мне было семнадцать, я жил на улицах Лондона.

Конечно, я знала об этом, ведь отец включил описание некоторых ужасных событий того времени в свою «Исповедь».

– Я прожил на улице целую зиму, – продолжал он.

И об этом мне тоже было известно, но я уже давно приучилась позволять отцу высказывать все, что у него на уме.

– В те дни на этой площади паслись коровы. Мы с товарищем много ночей спали здесь, укрываясь рваниной, которая когда-то была одеялом. Нам очень повезло, что я раздобыл старое ведро. Когда вымя у коров наполнялось, я выбирал одну из них и старательно доил. Попив парного молока, мы уже не так страдали от холода.

Отец рассказывал и не смотрел на меня. Он был весь в прошлом.

– Столько всего изменилось. Мы ведь приехали на вокзал, которого в то время еще не существовало. Я с трудом узнаю город. И мне нужно посетить так много мест.

По его тону я предположила, что некоторые места отец не хотел бы посещать, хоть и ощущал в том необходимость.

– Энн, – пробормотал он.

Мою мать звали Маргарет, а я – Эмили.

– Энн, – снова произнес отец.

Я припомнила этот разговор, наблюдая, как отец энергично меряет шагами задний дворик.

В кухню вошла наша экономка, миссис Уорден. На голове у нее была строгая шляпа, под мышкой зажат псалтырь. На обеденном столе стояли хлеб, масло, земляничный джем и чайник.

– Мисс Де Квинси, я иду в церковь. Надеюсь, что вы и ваш отец скоро тоже отправитесь туда.

С самого нашего приезда миссис Уорден держалась с отцом настороженно, а вот ко мне относилась с симпатией, – похоже, она считала, что мне приходится нести непомерное бремя.

– Да, в церковь, – ответила я, надеясь, что в моих словах не слышно притворства.

– Он кажется очень религиозным человеком, – неохотно, но с одобрением продолжала миссис Уорден. – Вы уж простите мне мою прямоthu, но я такого не ожидала. Ну, вы понимаете, учитывая, какую книгу он написал.

Отец за свою жизнь написал множество книг, но тон, каким экономка произнесла это слово, не оставлял сомнений, которую из них она имела в виду.

– Да, книгу, – кивнула я.

– Ну конечно, сама-то я ее не читала.

– Конечно.

Мимо окна снова прошел отец – он так и продолжал мерить шагами дворик, из угла в угол, из угла в угол. Худое лицо его было искажено гримасой, взгляд устремлен вдаль, на нечто видимое только ему одному. В руках отец перебирал четки.

– Я вижу, насколько он набожен, – прокомментировала миссис Уорден. – Молитва во время ходьбы укрепляет как душу, так и тело.

Четки, которые сжимал отец, состояли из синих и белых бусин: одна синяя, девять белых, снова синяя и дальше опять девять белых.

– Я встречала мало католиков, – говоря о приверженцах католической церкви, миссис Уорден явно ощущала себя неуютно, – но уверена, что паписты могут быть такими же религиозными, как и англиканцы.

На самом деле отец принадлежал к англиканской церкви и часто писал о запутанных религиозных тайнах. Но я бы не смогла объяснить экономке, зачем отцу четки, не пробуждая в ней излишних подозрений. Так что я молча кивнула.

– Ладно, я пошла, – сказала наконец миссис Уорден.

– Спасибо. Отец говорил, чтобы вы не ждали нас сегодня рано.

Уже поворачиваясь к двери, миссис Уорден окинула меня взглядом, в котором явственно читалось неодобрение моего наряда (ведь наша благочестивая экономка полагала, что я собираюсь в церковь). Сама она вырядилась в платье с кринолином и оборками, настолько широкое, что миссис Уорден испытала некоторые трудности, протискиваясь в дверной проем. Впечатление создавалось такое – и я не преувеличиваю, – будто под платьем у нее спрятана птичья клетка. Я же предпочитаю в одежде стиль, который в последнее время пропагандирует Амелия Блумер: длинные свободные панталоны, стянутые на лодыжках, надетые под свободно ниспадающее платье. Не понимаю, почему газеты с такой насмешкой относятся к подобному стилю, презрительно называют эти панталоны «блумерсами», но готова скорее подвергнуться осмеянию за свой костюм, чем сковывать свободу движения ради каких-то там условностей.

Миссис Уорден закрыла входную дверь. Тут же со двора зашел отец – будто слышал, как она удалилась, – и положил четки на стол. Он был без шляпы, и короткие каштановые волосы – на удивление, до сих пор нетронутые сединой, – блестели от пота. Лишь отчасти

причиной тому была утренняя интенсивная прогулка; я не сомневалась, что отец с трудом сражается с желанием принять опий.

– Сколько ты сегодня прошел? – спросила я.

– Всего пять миль.

Четки были вовсе не четками, а своеобразным инструментом, с помощью которого отец определял пройденное расстояние. Когда мы приехали в Лондон, он сразу же измерил периметр внутреннего дворика и взял его за единицу измерения – одну белую бусину. Когда девять белых и одна синяя бусина были «пройденны», отец начинал отсчет сначала. Таким образом, ему требовалось просто подсчитывать количество синих бусин и в конце умножить их на десять, а потом помножить получившийся результат на периметр двора. Отец утверждал, что это элементарно. Но когда я пыталась объяснить это другим, большинство людей морщились, словно от внезапной головной боли.

– Отец, пора пить чай.

– Боюсь, Эмили, мой желудок этого не перенесет. Нам надо идти.

– Сперва попьем чая, – настаивала я.

– Мне нужно посетить так много мест.

– Чай, хлеб, масло и джем.

С момента приезда в Лондон отец только и делал, что встречался с различными людьми. Я всюду сопровождала его и следила, чтобы он не забывал поесть и попить. Сейчас в продаже находились американское издание собрания сочинений отца и четыре тома из многотомного собрания, выпускаемого в Англии. Это и было одной из причин его поездки в Лондон: переговорить с продавцами и издателями, а также газетчиками с Флит-стрит.

Как ни унижительно в этом признаваться, но мы нуждаемся в деньгах. Насколько отец одержим пристрастием к лаудануму, настолько же он сам не свой до приобретения книг. На протяжении многих лет он набивал книгами до отказа один дом за другим, долги все накапливались, и я уже боюсь того, что мы в скором времени окажемся на улице без всяких средств к существованию. Эта поездка в Лондон действительно представлялась очень важной, хотя, возможно, и не в том смысле, который, как я полагаю, вкладывал в это понятие отец.

Его героическая попытка заработать для нас денег имеет свою цену. Еще с юношеских времен, когда один из братьев постоянно издевался над ним, отец испытывает трудности в общении с людьми. У него сразу начинаются проблемы с пищеварением, справиться с которыми помогает только все тот же лауданум, ну или мое присутствие, когда я могу его защитить. Сейчас он вынужден общаться с людьми, вести с ними непринужденные беседы – все для того, чтобы они купили его сочинения и тем самым обеспечили средствами к продолжению отшельнического существования. Его усилия, направленные на подрыв сложившихся устоев, оказались успешными. Читатели жаждут встретиться с «англичанином, употреблявшим опиум», чей откровенный и подробный рассказ о пагубном пристрастии до сих пор будоражит умы, хотя со времени написания «Исповеди» прошло уже тридцать три года.

Недавно отец закончил третью часть своего ужасного эссе «Убийство как одно из изящных искусств». С одной стороны, мне приятно, что новые опубликованные материалы способствовали росту продаж, но... должна признаться, подробности, с которыми отец описывает убийства, для меня оказались слишком отвратительны и я не смогла дочитать книгу до конца. Люди спрашивают, не боюсь ли я жить с отцом под одной крышей, предполагая, какой он, должно быть, жестокий. Я им отвечаю, что отец – самый добрый и мягкий среди живущих на свете людей. На это «доброжелатели» скептически меня оглядывают и явно думают: «Мы все прекрасно понимаем, вы лжете, потому что он – ваш отец, но, по правде говоря, человек, который так красочно и с такими реками крови описывает убийства, должен быть и сам жестоким и склонным к проявлению насилия».

Сегодня у отца наконец выдался первый свободный день, и мы вдвоем направились к расположенному неподалеку Британскому музею. Улицы были пустынные – все находилось на церковной службе, почему отец и выбрал именно это время для прогулки. Музей оказался закрыт, но отец, похоже, был целиком поглощен своими мыслями и даже не обратил на это внимания.

Прохладный ветерок продолжал разгонять туман. Отец остановился и уставился на эффектно выглядящий двор музея. Он с силой сжал челюсти – столь сильным было желание принять лауданум.

– Когда я последний раз приезжал в Лондон, этого здания еще не было, – сообщил он мне. – На протяжении двадцати пяти лет здесь шла самая грандиозная стройка в Европе, а я этого не видел.

Громада здания давила и заставляла ощущать себя маленькой и беззащитной букашкой.

– Здесь хранятся таблички с ассирийской клинописью, – печальным тоном продолжал отец. – И знаменитый Розеттский камень. Это ключи к расшифровке прошлого. Но кто сможет расшифровать руины в нашей памяти?

Говорят, у отца очень своеобразная манера изъясняться, но, по-моему, все наоборот. Многие люди такие нудные, что от их болтовни я едва не засыпаю. Да, я не всегда понимаю отца, но мне всегда интересно его слушать, даже тогда, когда он выводит меня из себя. Вероятно, поэтому я, дожив до двадцати одного года, не нашла пока подходящего молодого человека, с которым могла бы провести вместе столько же лет, сколько провела с отцом.

Мы взяли кеб и отправились осматривать все те архитектурные сооружения, что были построены за десятилетия, прошедшие после отъезда отца из Лондона: Букингемский дворец, памятники на площади Белгрейд и Трафальгарской площади, Национальную галерею и новое здание парламента.

Но нигде мы не выходили из кеба и ни в одном месте не задержались. Даже сидя в экипаже, отец нетерпеливо дергал ногами, будто продолжал утреннюю прогулку. У меня сложилось впечатление, что в нашей поездке отсутствует какая-либо система. В конце концов я догадалась, что все места, которые мы посетили, не имели для отца никакого значения, и теперь мы направлялись туда, куда отцу так необходимо было попасть и где он тем не менее так не хотел оказаться.

Кебмен высадил нас у Мраморной арки, которая, как рассказал отец, является копией Триумфальной арки Константина в Риме. Очевидно, изначально она была белого цвета, но сейчас из-за постоянно висящей в городском воздухе копоти стала серой. Наш кеб проехал через большой центральный пролет, а мы с отцом прошли в левый, пешеходный, пролет меньших размеров. Сидевший в будке полисмен кивнул нам.

– Этого тоже раньше не было, – заметил отец.

Позади простирался обширный Гайд-парк. Служба в церкви завершилась, и по улицам засновали в разных направлениях экипажи. Люди в теплых пальто прогуливались в парке среди деревьев. Однако внимание отца было приковано к расположенной перед нами Оксфорд-стрит.

– В те времена эта улица была более мрачной и неприглядной, – поведал отец, когда мы вышли на нее.

По обеим сторонам расположились магазины и представительства различных компаний. Сегодня, в воскресенье, Оксфорд-стрит, являющаяся главной торговой артерией столицы, казалась неестественно притихшей.

– Когда мне было семнадцать и я жил на улице... – начал отец и замолчал, глядя на крыльцо перед одним из магазинов. Потом продолжил: – Пять месяцев, большей частью

зимних... – Он снова умолк и некоторое время разглядывал пекарню, причем смотрел как будто издали. – Происходило это в основном здесь. На Оксфорд-стрит. Эмили, видишь эту пекарню? Когда я голодал, как же я мечтал о хлебе! Я не рассказывал тебе о скелете?

Услышать подобный вопрос из уст отца не показалось мне чем-то невероятным. Я только переспросила:

– О скелете?

– Да, это было в Манчестере, в средней школе, которую я посещал. У работавшего там врача в кабинете стоял скелет. Тут интересно то, что скелет принадлежал одному известному разбойнику. В те дни, когда еще не было железных дорог, грабители представляли серьезную угрозу для путешественников. Этого грабителя повесили, и врач заплатил палачу, чтобы тот после казни отдал ему труп. Тогда это был единственный законный способ заполучить тело для проведения медицинских исследований. Но оказалось, что палач так торопился снять тело с виселицы, что приговоренный не успел испустить дух. Поэтому, когда врач со студентами собрались производить вскрытие, им пришлось сначала перерезать разбойнику горло, а потом уже приступать к исследованиям. В конце концов то, что осталось от трупа, сварили в щелочи, пока не остался один только скелет.

Жутковатый рассказ отца меня не поразил, но я была рада, что мимо не прошел ни один прохожий и не подслушал нас.

– Чувства, которые я испытывал к этому мерзкому скелету, были сравнимы с моим отношением к школе, – продолжил отец. – Учитель, преподававший мне латынь и греческий, был возмущен тем, как быстро я осваивал эти предметы, – он-то в свое время с ними намучился. Возмущение вскоре переросло в ярость, а потом дело дошло и до рукоприкладства. В конце концов я стал умолять опекунов освободить меня от ужасов этой школы.

Мой дед был бродячим торговцем, и отец его практически не видел. Он скончался от чахотки, когда отцу было семь лет. В завещании дед назначил четырех опекунов, которые должны были распоряжаться делами его сына. Однако они спустя рукава подходили к выполнению своих обязанностей, и в результате учился мой отец урывками и бессистемно.

– Один из опекунов особенно негодовал. Он хотел добиться от меня полного повиновения, так же как и тот преподаватель. А я на это был не согласен. И я убежал. К матери я возвращаться не мог – она бы просто вернула меня опекунам. Так что я взял в долг небольшую сумму денег у друга нашей семьи, который сочувствовал моему отчаянному положению. Какое-то время мыкался по фермам в Уэльсе, но, когда мой и без того скромный капитал почти иссяк, я решил попытать счастья здесь, в Лондоне. Это решение меня едва не погубило.

Ветер прекратился, и туман снова заволакивал улицы, так что видимость ограничивалась одним кварталом. Заметно похолодало, и я порадовалась, что надела теплое пальто.

Отец шел по Оксфорд-стрит, смотрел на закрытые двери и окна с опущенными жалюзи, и у меня создавалось впечатление, будто он в свое время очень хорошо знал все эти магазины.

– Денег у меня было столько, что я мог себе позволить питаться только раз в день: чай и хлеб с маслом. Но скоро денег не осталось даже на такую скромную еду. Я просил милостыню, но в Лондоне и без меня было полным-полно попрошайек. Не знаю, что бы скорее убило меня, голод или непогода, если бы не помощь одного человека, которому принадлежал дом на Греческой улице. Это недалеко отсюда. Он занимался тем, что давал людям ссуды, но, помимо легального дохода, был у него и нелегальный. Звали его Брунелл, но сам он именовал себя еще и Брауном. Был он известен и под другими именами – все для того, чтобы его не смогли вычислить неприятели. Каждую ночь он проводил в разных местах, в разных частях Лондона. По утрам он приходил в дом на Греческой улице, а вечером исчезал в неизвестном направлении. Дом выглядел настолько необитаемым, что хозяин опасался взломщиков. И вот, когда я явился к нему, надеясь занять немного денег, чем-то я ему приглянулся, и он

предложил сделку. Мне позволялось ночевать в доме, но в случае, если кто-то попытается в него проникнуть, я должен был поднять шум и спугнуть грабителей.

Дом был совсем запущенный. Мебель имела только в одной комнате – той, где он хранил свои бумаги. Ночью в доме было темно и страшно. Я пытался спать на голом полу; лежал и дрожал, слушая, как мириады крыс царапают когтями пол. Из-за того что чувствовал себя неважно и постоянно был голоден, спал я плохо, урывками, меня мучили кошмары, и я во сне громко стонал. Я все время был на взводе, у меня непроизвольно сокращались мышцы, я дергал ногами и от этого постоянно просыпался.

К счастью, Брунелл, или Браун, или как там его звали по-настоящему, любил поговорить о древнегреческой и древнеримской литературе. Каждое утро он приносил себе на завтрак выпечку, мы сидели, обсуждали «Одиссею» или «Энеиду», и он позволял мне доедать за ним остатки. В остальное время я питался теми жалкими кусками, что мне подавали днем небезразличные люди на лондонских улицах. Я бы погиб от голода и холода, если бы меня не пожалела одна девушка, хотя она сама заслуживала еще большей жалости.

Звали ту девушку Энн.

Имя прозвучало совершенно неожиданно – как будто колокол зазвонил в самый неподходящий момент. На улице становилось все холоднее. Я плотнее закуталась в пальто и была очень благодарна отцу, когда мы наконец двинулись дальше по Оксфорд-стрит. Туман сгустился, и теперь мы видели перед собой лишь с десяток домов.

– Энн тогда было шестнадцать, – продолжил отец. – Она была, как принято говорить, гулящая.

– Ты всегда называл вещи своими именами. Объясни, что это значит.

Отец на мгновение замолчал.

– Проститутка. Нищета свалилась на Энн неожиданно – из-за разногласий в отношении денег, которые она унаследовала от родителей. Нашлись люди, которым удалось хитростью завладеть наследством, и Энн осталась без гроша. В то зимнее время бедняжка жестоко страдала от кашля, но тем не менее заботилась обо мне и опекала так, будто это я был очень болен. Мы часто гуляли вместе по Оксфорд-стрит или отдыхали в крытых галереях, укрываясь от непогоды. Она защищала меня от сторожей, которые норовили прогнать меня, когда я, бывало, садился на крыльцо магазина передохнуть и набраться сил.

Взгляд отца затуманился, он снова находился мыслями в далеком прошлом. Он оставался.

– Единственное, что как-то нас развлекало, это когда вот на этот угол приходил со своим инструментом шарманик. Он вечно делал такой вид, будто его шарманка весит раз в три больше, чем на самом деле. Когда он крутил ручку, он всегда надувал щеки, тяжело дышал и всем своим видом демонстрировал, какое же это тяжелое занятие – играть на шарманке. Мы с Энн стояли, держались за руки и слушали музыку. Иногда люди бросали монетки в кружку, висевшую на инструменте. Шарманик так усердно рассыпал благодарности, что можно было подумать, у него в кружке целое состояние, а не несколько самых мелких монет, которых было не жалко любому прохожему. Для нас с Энн, правда, эта жалкая подачка действительно стала бы настоящим богатством. У нас не было еды, но зато мы наслаждались музыкой. С тех пор всякий раз, когда я слышу звуки шарманки, они напоминают мне о вечерах, когда мы стояли под старой масляной лампой, что висела на этом углу, а я обнимал свою Энн за талию.

Отец тяжело вздохнул и заставил себя продолжить:

– Однажды вечером я почувствовал себя хуже обычного и попросил Энн отвести меня на боковую улочку. Мы присели там на крыльце дома, и внезапно мне сделалось совсем нехорошо. Я сидел, склонив голову на ее грудь, а потом она не удержала меня, и я повалился на землю.

Энн испуганно вскрикнула и побежала на Оксфорд-стрит. Я еще не успел толком сообразить, что произошло, как она вернулась со стаканом сухого вина. Это было именно то, что нужно. Еду мой пустой желудок просто не принял бы, а вот вино придало достаточно сил, чтобы я снова сел. Энн, у которой денег едва-едва хватало на то, чтобы только не протянуть ноги, не могла надеяться, что я когда-нибудь верну ей потраченное, но все же она, не раздумывая, купила мне вино.

Я часто размышляю над тем, с какой скоростью может вращаться колесо Фортуны. Спустя несколько дней после того случая с вином я стоял на Альбемарль-стрит и просил милостыню. Случилось так, что мимо проходил один джентльмен, знакомый с нашей семьей. Он узнал меня, хотя в первое мгновение решил, что ошибся – так его поразили мой жалкий внешний вид. Он задал мне множество вопросов, и я попросил ничего не сообщать матери, так как в этом случае она немедленно известит опекунов, а они заставят меня вернуться в ту ужасную школу, из которой я уже раз убежал и убегаю снова. Он, верно, услышал, с каким надрывом я об этом говорю, и пообещал сохранить все в тайне. На другой день он вручил мне банкноту в десять фунтов – сумма, которую я не мог даже вообразить.

Когда тот человек, в чьем доме я ночевал, узнал об этих десяти фунтах, он потребовал три фунта отдать ему. Я попросил, чтобы Энн тоже могла находить там убежище на ночь, но он предупредил, что, если я приведу в его дом проститутку, он вышвырнет меня вон. Часть из оставшихся денег (пять шиллингов) я потратил на еду для Энн и для себя. Пятнадцать шиллингов пришлось пустить на покупку одежды. Знаешь, я до сих пор помню, как тяжело было с ними расставаться. Но это было необходимо для осуществления плана, который подсказал мой благодетель. В школе в Манчестере я подружился с одним юношей из состоятельной семьи, а его отец просто преклонялся перед молодыми людьми, имеющими способности к латыни и греческому.

Я решил отправиться к другу, который теперь учился в Итоне, и уговорить его вместе поехать к его отцу – там я надеялся получить помощь. Перед отъездом я отдал Энн два фунта – не только на еду, но и на лекарства от ее ужасного кашля. И вот темным зимним вечером, около шести часов, мы с Энн, держась за руки, шли в направлении Пикадилли. Я намеревался сесть там на почтовую карету до Итона.

Мы проходили через ту часть Лондона, которой теперь не существует. Я обещал Энн, что она разделит со мной мою удачу, что я никогда-никогда ее не покину. Я говорил Энн, что люблю ее.

Мне ужасно не хотелось оставлять ее одну, но в то же время меня переполняли надежды на наше общее будущее. Но Энн была печальна. Когда я попрощался с ней и поцеловал, она обняла меня за шею и заплакала.

Я думал вернуться через неделю. По нашей договоренности, на восьмой день, в шесть часов вечера, Энн должна была ждать меня в конце Грейт-Тичфилд-стрит, месте наших обычных встреч. Но все мои попытки достичь чего-то в Итоне оказались тщетными, да к тому же отняли гораздо больше времени, чем предполагалось, так что в Лондон я смог вернуться только много месяцев спустя.

В шесть часов вечера я примчался в конец Грейт-Тичфилд-стрит. Я прождал несколько часов, но Энн не появилась. Я пришел туда и на следующий вечер. Энн снова не было. Я приходил туда несколько вечеров подряд, но безуспешно. Днем я посетил дом, в котором в ужасной нищете обитала Энн, но никто из подруг не видел ее. Мне только рассказали, что вроде бы хозяин так плохо с ней обращался, что бедняжка вынуждена была перебраться в другое место. Я нашел еще один дом, где обретались «ночные феи», но эти меня совсем не знали. Я был достаточно прилично одет, и меня приняли за джентльмена, который ищет подружку на ночь. Они наперебой стали предлагать себя. Другие решили, что я, возможно, связан со

служителями закона или же меня обворовали и я теперь ищу, кто это сделал. В общем, они не стали говорить со мной.

Днем и ночью я бродил взад и вперед по Оксфорд-стрит. Перенес поиски и на соседние улицы и переулки. Ждал Энн на нашем любимом месте, где играл шарманичик. Но все было безрезультатно. Прошло столько времени, что Энн, вероятно, отчаялась меня дожидаться и никогда уже больше не придет. Быть может, я проходил буквально в нескольких футах от нее и не знал, что Энн рядом. В запутанном и переполненном людьми лабиринте улочек несколько футов могли означать больше, чем несколько миль. Не исключено и то, что в мое отсутствие Энн стала жертвой своего ужасного капиля. И хотя я сильно горевал, обдумывая эту возможность, в то же время испытывал облегчение – если Энн действительно отправилась в лучший из миров, то в нашем жестоком мире ей уже не придется страдать.

В конце концов в поисках лучшей доли я вынужден был снова покинуть Лондон на почтовой карете. И на протяжении многих лет всякий раз, возвращаясь сюда, я не забывал прийти в шесть часов вечера на Грейт-Тичфилд-стрит. Энн я так и не встретил. Я непрерывно искал ее и на других лондонских улицах, где мне приходилось оказываться, но... и там ее не было.

Голос отца гулким эхом отдавался в желтом тумане, который теперь сгустился настолько, что я видела лишь несколько ближайших домов.

– Мне нужно спросить тебя кое о чем, – сказал вдруг отец.

– Конечно. Мы же всегда открыто говорили на любые темы. О чем ты хочешь спросить?

Видно было, что отцу приходится тяжело, но он все же задал свой вопрос:

– Тебя не коробит тот факт, что какое – то время самым близким для меня человеком на всем белом свете была проститутка?

Я немного подумала над ответом.

– Если вопрос стоит так: отказаться от добродетели или погибнуть, что ж, я могу понять выбор, который пришлось совершить Энн.

– Тебя не беспокоит то, что я говорю об Энн так, как если бы она была твоей матерью?

– Все это происходило пятьдесят два года назад. Мама уже пятнадцать лет как мертва. И я не вижу ничего зазорного в том, что задолго до того, как вы встретились и поженились, ты любил другую женщину. Но к чему ты ведешь?

– К чему веду?

– Ты уже целый месяц что-то от меня скрываешь. Это из-за Энн ты согласился поехать в Лондон?

Отец отвел взгляд.

Но я не собиралась отступать.

– Поначалу ты категорически отказывался ехать сюда, чтобы продвигать свои произведения. Пристрастие к лаудануму и нежелание общаться с посторонними людьми служили достаточным основанием для отказа. Но потом ты внезапно меняешь решение, сокращаешь дозу и заявляешь, что для тебя очень важно отправиться в Лондон.

– Да. Это случилось после того, как я получил по почте письмо.

– Письмо?

Туман продолжал стремительно сгущаться.

– Ты удивлялась, как нам удалось остановиться здесь в таком шикарном доме.

– Да, – кивнула я, – и ты ответил, что не знаешь.

– Это правда. Я не знал и до сих пор не знаю. Предложение поселиться в этом доме содержалось в том же письме. Автор письма не подписался. Но документы об аренде дома и о найме на работу миссис Уорден оказались подлинными. Я не рассказывал тебе остального, потому что не мог найти в себе силы еще раз пережить кошмар тех далеких дней. У меня вошло в привычку утверждать, что «ум лишен способности забывать», но, положив руку на сердце, я обманывал самого себя – я как раз и пытался все забыть.

- Ты говоришь, что не рассказывал мне остального. Отец, что ты имеешь в виду?
- Отец тяжело вздохнул и выдал наконец то, что так долго держал при себе:
- В письме говорилось: если я приеду в Лондон, то узнаю, что случилось с Энн.

Это было совершенно неожиданно, и на мгновение я потеряла дар речи. Потом придвинулась к отцу и переспросила:

– Узнаешь, что случилось с Энн? И ты узнал? Мы в Лондоне уже четыре дня. Автор письма вышел с тобой на связь?

– Нет. Все это остается такой же загадкой, как и в день, когда пришло письмо. Я думал, возможно, пока я езжу по городу, встречаюсь с книготорговцами и газетчиками, кто-нибудь незаметно подойдет ко мне и намекнет, что нам нужно поговорить наедине.

– Но с какой стати кому бы то ни было идти на такие расходы, снимать роскошный дом, а потом даже не связаться с тобой, чтобы прояснить, ради чего он тебя пригласил?

– Представления не имею. Те дни были наихудшими в моей жизни. И наилучшими. Только благодаря Энн. Если бы все пошло иначе, она могла бы стать твоей матерью.

– И тебе было так трудно мне рассказать?

– Наверное, мы не были готовы открыто обсуждать все-все темы.

– Это меняет дело, – кивнула я.

– Да, – согласился отец.

Вокруг клубился густой туман. Холод усиливался. Я плотнее запахнула пальто.

– Давай возвращаться домой, – решил отец.

– Но как в этом тумане мы найдем дорогу?

– Единственная улица в мире, которую я знаю как свои пять пальцев, – это Оксфорд-стрит. Не волнуйся, Эмили, мы найдем путь домой.

Мимо прогрохотал экипаж, и отец повел меня за собой сквозь туман.

Мы двигались по левой стороне и вскоре подошли к пересечению с широкой улицей.

– Если не ошибаюсь, это должна быть Тоттенхем-Корт-роуд, – сказал отец. – Вот. Видишь табличку на стене? Да, Тоттенхем-Корт-роуд. Пойдем сюда. Когда я был молодым, любил здесь стоять и воображать, как иду и иду по городу, и вот дома кончаются и начинаются поля и леса.

Мы двинулись по Тоттенхем-Корт-роуд, не видя ничего на расстоянии буквально нескольких метров, потом свернули в боковую улочку, затем еще в одну. Кажется, отец не преувеличивал, когда говорил о лабиринте лондонских улиц.

– Не волнуйся, – снова успокоил он меня.

Сказать по правде, я никогда не волнуюсь, если только дело не касается моего отца.

Мы прошагали никак не меньше двух миль. Большинство женщин в своих куполообразных юбках не прошли бы и пары кварталов. Но мне мои «блумерсы», как их пренебрежительно называют газетчики, позволяли чувствовать себя свободно.

Мы пересекли улицу, которую отец назвал Грейт-Рассел-стрит, а на следующем перекрестке он заверил меня, что мы уже почти пришли.

Но тут в тумане замаячили фигуры двух людей.

Отец резко втянул носом воздух.

Неизвестные – теперь я разглядела, что это высокие мужчины, – приближались.

Через несколько секунд они встали у нас на пути, оставаясь еле видимыми.

– Вы – те люди, с которыми я жду встречи? – нарушил тишину отец.

– О чем вы говорите?

– Энн.

– Энн? Кто такая Энн?

– Если вы не знаете, кто такая Энн, уходите с дороги, – велел отец.

Мужчины не пошевелились, и отец попробовал обойти их стороной.

Но неизвестные передвинулись и снова загородили нам путь. Я заметила, что лица у них осунувшиеся и небритые.

– Черт бы вас побрал! Отойдите с дороги! – Отец рассердился не на шутку.

Первый незнакомец в мешковатом пальто напоминал типичного уличного головореза, на втором я заметила странную шляпу. Я быстренько прикинула, в каком направлении нам с отцом бежать.

– У меня нет денег! – сказал отец. – Делайте со мной что хотите, но только отпустите дочь.

– Отец, я не уйду без тебя!

– Это вы Любитель Опиума? – спросил первый.

– Что?

– Томас Де Квинси?

– Но какое дело может быть...

– Я инспектор Район, а это констебль Беккер.

В это мгновение туман немного рассеялся, и я увидела, что странной формы шляпа – на самом деле полицейская каска, а одет мужчина в полицейскую форму.

Но главным из этих двоих был первый, в штатском.

– Я должен попросить вас пройти с нами в Скотленд-Ярд.

Глава 4

«Среди нас есть чудовища»

Холера вызывает безудержную диарею почти белого цвета, которая быстро приводит к обезвоживанию организма и – с большой вероятностью – к смерти. Тремя месяцами ранее, в сентябре 1854 года, Лондон пережил самую страшную эпидемию этого заболевания за несколько последних десятилетий. Всего лишь за две недели болезнь унесла жизни семи сотен человек. Доктор Джон Сноу сумел остановить вспышку холеры, доказав, что заражаются ею не оттого, что дышат отравленным воздухом, а потому, что пьют воду, загрязненную фекалиями. Центр эпидемии находился в районе Брод-стрит в Сохо. Доктор Сноу провел тщательное расследование и выяснил, что первыми подхватили заразу люди, пользовавшиеся общественной водокачкой в этом районе. В ходе учиненных раскопок обнаружилось, что источник воды находится рядом с выгребной ямой, откуда в него просачиваются экскременты. К удивлению сторонников теории «отравленного воздуха», доктору Сноу удалось очень просто остановить эпидемию: он распорядился, чтобы источник воды перенесли в другое место.

Инспектор Райан тогда помогал доктору проводить расследование. В эту ночь, когда он забрался на стену, посветил фонарем вниз и увидел залитого кровью Беккера, лежащего рядом с двумя мертвыми свиньями возле переполненной нечистотами канавы, он ни секунды не сомневался, куда доставить констебля для оказания срочной медицинской помощи.

Райан распорядился немедленно погрузить Беккера в полицейский фургон и гнать изо всех сил на квартиру доктора Сноу.

Доктор проживал в доме 54 по Фрит-стрит в Сохо, недалеко от очага недавней эпидемии.

Полицейские неистово барабанили в дверь, и через некоторое время на пороге со свечой в руке и в домашнем халате появился доктор Сноу, узколицый мужчина сорока одного года.

– Кто там, черт бы вас побрал? – спросил доктор и, прищурившись, уставился на двух констеблей, держащих бесчувственного Беккера.

– Инспектор Райан просил передать вам эту записку, сэр, – сказал один из полисменов.

Доктор с растущей тревогой прочитал послание от инспектора.

– Снимите с него грязную одежду. Прямо здесь. И бросьте на улице. Потом занесите вашего товарища в прихожую. Но не дальше! Я принесу горячую воду и чистые тряпки. Мы тщательно обмоем его, перед тем как перенести в кабинет.

Беккера ополоснули чистой водой и положили на застеленное простыней кресло в кабинете Сноу. У врачей Средневикторианской эпохи в кабинетах стояли обычные письменные столы, а не столы для обследования. Собственно, в последних у них не было нужды. Врачи были джентльменами и почти никогда не опускались до того, чтобы пачкать руки о пациентов. В крайнем случае измеряли у них пульс. Неблагодарная работа по настоящему лечению больных выпадала на долю стоявших ниже по социальному статусу хирургов.

Но Сноу раньше был хирургом и, даже поднявшись в медицинской иерархии, не утратил прежних навыков. Держа в руке масляную лампу, он внимательно обследовал следы укусов на руках и ногах Беккера и наконец воскликнул:

– Если эти свиньи были заражены, если в раны попали экскременты...

Сноу быстро продезинфицировал места укусов нашатырным спиртом – процедура, на которую мог решиться лишь редкий врач.

От резкого запаха нашатыря Беккер зашевелился и скорчил гримасу. Услышав писк и другие непонятные звуки, он в недоумении огляделся и увидел стоящие на полках клетки. Мыши, птицы и лягушки были взволнованы внезапной суматохой.

– Я правда вижу животных?

– Я экспериментирую на них с дозировкой, – объяснил доктор Сноу.
– Дозировкой чего? – не понял Беккер.
– На самые серьезные раны необходимо наложить швы. Боль будет жуткая. Но вот с этим вы почувствуете себя спокойно.

«Это» представляло собой металлический ящик с прикрепленной к нему маской.

Сноу поднес маску к лицу констебля.

– Что это такое?

– Хлороформ.

– Нет! – воскликнул Беккер и отпрянул.

Он знал о хлороформе – недавно изобретенном анестезирующем газе. Годом раньше лондонские газеты были полны статей, рассказывающих о неоднозначном выборе королевы Виктории во время родов восьмого ребенка: венценосная особа согласилась принять хлороформ. В качестве наблюдающего врача на случай осложнений она выбрала доктора Сноу.

– Это абсолютно безопасно, – заверил пациента Сноу. – Если мне доверилась ее величество, вы и подавно можете это сделать. Бояться совершенно нечего.

– Я и не боюсь. Но я не могу позволить себе заснуть, – подчеркнул Беккер.

– Я так полагаю, вам пришлось перенести тяжелую схватку, и отдых мог бы...

Сноу снова поднес маску к лицу констебля.

– Нет! – Беккер поднял руку, не подпуская к себе доктора. – Я не могу уснуть! Я хочу стать детективом! Если вы усыпите меня, я не смогу принять участие в дальнейшем расследовании! У меня не будет другого шанса!

А в это время к месту убийства подоспели еще полицейские.

– Продолжайте обходить соседние дома. Расспрашивайте всех подряд. Расширьте круг поисков, – командовал Райан. – Я хочу знать обо всех, пусть даже самых незначительных, странностях.

В сопровождении двух полицейских с фонарями инспектор снова перебрался через стену позади магазинчика, осторожно – чтобы не задеть туши мертвых свиней – спустился на землю и склонился над отпечатками ног. К счастью, следы сохранились значительно лучше, чем он мог рассчитывать.

«Хорошая работа, Беккер», – мысленно похвалил коллегу Райан.

Констебли передали ему пустое ведро, кувшин с водой и мешок гипса, а затем и сами перелезли через стену. Инспектор вздохнул, вспомнив, что обещал показать Беккеру, как это делается, и принялся за работу: налил в ведро воды, насыпал гипса и стал перемешивать, вывешивая пропорции таким образом, что в итоге получилась смесь консистенции горохового супа. Ее он вылил на следы убийцы.

– Оставайтесь здесь и следите, чтобы ничего не попало на смесь, пока она застывает, – наказал он констеблям. – Я понимаю: это тяжело, но через пару часов я пришлю вам кого-нибудь на смену.

Райан вышел на шумную улицу и поздоровался с командой присланных по его распоряжению золотарей. Когда случилась эпидемия холеры, доктор Сноу в качестве одного из основных аргументов в борьбе против теории «отравленного воздуха» приводил тот факт, что золотари, которые постоянно вдыхают миазмы, заболевают ничуть не чаще остальных людей.

Поскольку туалеты обычно чистили по ночам – отсюда и выражение «темные делишки», – прибывшие четыре специалиста (один спускался вниз, другой вытаскивал ведро на веревке, а еще двое заполняли бочку) не нашли ничего необычного в работе в столь поздний час. Правда, срочность вызова заставила их гадать, какую неожиданность может таить эта вроде бы стандартная процедура.

Интерес золотарей значительно возрос, когда Райан поставил перед ними задачу:

– Возможно, убийца обронил что-то в «очко» сортира и потом пытался выловить при помощи палки. Выгребите все содержимое из ямы и разбросайте по территории двора. Через магазин не ходить. Во двор попадете, перебравшись через стену в соседнем переулке.

Золотари отправились выполнять распоряжение инспектора, а к зданию магазина в это время подкатил полицейский экипаж, из которого вылез бородатый мужчина. Райан узнал его в свете пляшущих фонарей: художник-криминалист из «Illustrated London News».

– Схема будет такая же, как в прошлый раз, – обратился к нему инспектор. – Оригиналы остаются у меня. Вы можете сделать копии, но использовать их без моего разрешения нельзя. А дам я его вам, возможно, только через несколько недель.

– Из-за чего сыр-бор?

– Как у вас с желудком?

– Мне уже начинать сожалеть о том, что я согласился приехать?

– Вы не пожалеете. Особенно когда ваш редактор увидит рисунки, – заверил его Райан. – Я хочу, чтобы вы зарисовали все, что сможете, пока руки не онемеют.

– Это займет столько времени!

– Надеюсь, жена не рассчитывает, что вы вернетесь домой ко времени похода в церковь?

– Она ушла месяц назад.

– Извините. Но вполне вероятно, что, после того как вы здесь закончите, вам захочется посетить церковь.

Когда инспектор проводил художника внутрь и показал следы резни, бородач смертельно побледнел.

– Пресвятой Боже!

Райан оставил его в магазине, а сам вышел на улицу – как раз вовремя, чтобы встретить комиссара полиции сэра Ричарда Мэйна. Мэйну было пятьдесят восемь лет, он имел аристократическую внешность и густые седые баки почти до подбородка. Он выслушал доклад инспектора и осмотрел место преступления, сохранив при этом профессионально невозмутимый вид, однако, когда снова оказался на улице, был столь же бледен, как и художник.

– Ничего ужаснее я еще не видел, – признался Мэйн.

Райан кивнул.

– И это не ограбление.

– Министр внутренних дел будет давить на нас, чтобы мы как можно скорее отыскивали этого безумца, – предрек Мэйн. Министр внутренних дел контролировал все вопросы безопасности внутри страны, в том числе курировал лондонское полицейское управление и был непосредственным начальником комиссара. – Лорд Палмерстон потребует немедленно раскрыть преступление. Прежде чем начнется паника.

– Полагаю, у нас в руках оба орудия убийства: молоток и вот это.

Райан продемонстрировал бритву с рукояткой из слоновой кости.

– Дорогая вещь.

– Да. И, судя по следам, ботинки у убийцы не подбиты гвоздями. Это тоже указывает на человека не из бедных.

– Немыслимо! – воскликнул комиссар. – Человек с достатком не смог бы учинить такое зверство. Должно быть, бритва украдена.

– Возможно. Мы проверим сообщения о кражах – не упоминается ли там о пропаже подобного предмета. Также расспросим владельцев магазинов, торгующих дорогими бритвами, – может, кто-нибудь опознает нашу. Что касается молотка, его владельца, похоже, будет нетрудно отыскать. На нем есть инициалы.

– Инициалы?

– Дж. П.

– Нет, – прошептал Мэйн. Лицо его исказила гримаса боли. – Вы уверены?

– Конечно. А в чем проблема? – удивился Райан.

– Дж. П., говорите? Боюсь, что у нас действительно серьезная проблема.

– Мы нашли его! – закричали невдалеке. – Убийца! Мы его схватили!

Райан обернулся в ту сторону, откуда доносился шум. В свете фонарей показались несколько мужчин, одного они тащили, крепко схватив за руки. Мятое пальто последнего было испачкано в крови. Он отчаянно сопротивлялся.

– Он прятался в переулке!

– Я не прятался! Я спал!

– Он полез драться, когда его схватили!

– А что мне оставалось делать? Вы на меня напали!

– Ты зарезал Джонатана с семьей, мерзавец! И его бедную служанку.

– Джонатан? Никогда не слышал о...

– Это его кровь на твоём пальто!

– Я вчера просто перебрал. Я упал!

– Ты убил моего брата! – С этими словами один из мужчин ударил пленника кулаком в лицо.

– Эй! – вмешался в перепалку Райан.

Брат Джонатана нанес еще один удар. Пленник всхлипнул и пошатнулся.

– Довольно! – приказал Райан. – Пусть он все объяснит.

– Все это будет ложь! Гад зарезал моего брата!

И мужчина ударил снова. Во все стороны брызнула кровь.

Райан кинулся к толпе, чтобы прекратить избиение. Внезапно пленник упал, увлекая за собой державших его людей.

– Я его не вижу! Где этот негодяй? – заорал брат убитого.

– Вот он! Я его держу!

– Нет, ты меня держишь!

На земле продолжала ворочаться куча-мала.

– Здесь! Держи его!

Горе-охотники кое-как вскочили и кинулись в сторону переулка по пятам отчаянно улетающего мужчины. Кто-то швырнул тяжелую палку, и она едва разминулась с головой подозреваемого.

Райан бросился следом. Он заметил бегущего рядом человека, повернул голову и едва не споткнулся от изумления.

– Беккер?

Беккер в чистенькой форме не отставал от инспектора, хотя ему и мешали многочисленные швы и повязки.

– Я вернулся сразу, как смог.

– Вам нужно отдохнуть.

– И упустить возможность поучиться у вас?

Бегущая толпа добралась до переулка.

Вдруг кто-то завопил:

– У него разбитая бутылка! Мои глаза! Он полоснул меня по глазам! Господи! Я ничего не вижу!

Почти все преследователи втянулись в переулок.

– Я не могу дышать!

Райан прибавил ходу и догнал толпу.

Через мгновение к нему присоединился Беккер. Будучи на полтора десятка лет моложе инспектора, выше его, с хорошо развитой мускулатурой, он с ходу принялся вытаскивать людей из переулка и швырять их на булыжную мостовую.

От запаха спиртного полицейским едва не стало дурно.

– Двигайте отсюда! – рявкнул Райан.

Но народ и не думал расходиться.

Слева инспектор увидел пробивающийся через приоткрытую дверь свет и стоящую с разинутым ртом грузную женщину.

– Туда! – крикнул он констеблю.

Они проскочили мимо застывшей женщины и оказались в одной из многочисленных в этом районе таверн. Оставив позади зал со скамьями и стойку, они вылетели в коридор, а из него попали в кладовку.

– Окно! – воскликнул Райан.

Беккер обогнул бочонки с пивом и поднял раму. В комнату ворвались громкие крики, перемежаемые проклятиями. Райан поднес к окну фонарь. Луч света рассеял мглу, и инспектор увидел беглеца. Он стоял перед толпой и размахивал зажатым в руке отбитым горлышком бутылки. У многих преследователей лица уже были в крови. В страхе перед смертоносным оружием они отчаянно пытались выбраться из узкого переулочка, но сталкивались с теми, кто наседали сзади.

Беккер высунулся по пояс из окна и, ухватив беглеца за плечи длинными ручищами, потащил его внутрь. В то же время двое из толпы, осмелев, вцепились в ноги.

Беглец завопил так, будто его действительно разрывали на части.

Райан поставил фонарь на стол и схватил стоявшую в углу метлу. Высунув рукоятку в окно, он принялся колотить мужчин, державших беглеца. Он целился в лицо, бил как можно сильнее, и наконец один, получив чувствительный удар, завопил от боли и схватился за голову. Инспектор врезал второму, тот взвыл и тоже отпустил жертву.

Беккер по инерции отшатнулся от окна, втащил недавнего пленника в комнату и, не удержавшись на ногах, рухнул вместе с ним на пол.

– Уберитесь от меня! – размахивая разбитой бутылкой, заорал беглец.

Райан изловчился, схватил его за запястье и выкручивал до тех пор, пока мужчина не взвизгнул от боли и не выронил бутылку, которая упала на пол и разбилась. Беккер снял с ремня наручники; недавно разработанный пружинный механизм удерживал на месте браслеты, пока констебль запирает их ключом.

– Я ничего не сделал! – крикнул арестованный.

– Ну, это мы быстро выясним, – с трудом восстанавливая дыхание, проговорил Райан. – Откуда у вас на пальто кровь?

– Черт! Они чуть меня не убили! Вот оттуда и кровь.

Губы мужчины действительно распухли и кровоточили.

– Если вы и правда отрубились по пьянке, а не скрывались, они сделали для вас доброе дело, – заметил Беккер.

– Какого хрена вы хотите сказать?

– Ночь очень холодная, и вы могли бы замерзнуть до смерти.

– Хорошенькое «доброе дело»! Я бы не замерз, но меня избили бы до смерти.

– Могли бы поблагодарить нас, что мы этого не допустили.

– Где вы пили? – вступил в разговор Райан.

На него произвела впечатление попытка констебля расположить к себе арестованного.

– Да много где, – огрызнулся тот.

– А как называлось последнее заведение? И когда вы оттуда вышли?

– Не помню, – рыгнул джином подозрительный тип.

– Пусть побудет здесь, пока не протрезвеет. Тогда мы его допросим, – сказал Райан вбежавшим в комнату патрульным.

Все еще тяжело дыша, инспектор и Беккер прошли в общий зал таверны, где уже сидел комиссар Мэйн. Выглядел он намного старше своих пятидесяти восьми лет. Кожа на лице над бакенбардами было туго натянута.

С улицы доносился шум потасовки, громко кричали констебли, разгонявшие при помощи дубинок не желающую уюмониться толпу.

– Все только начинается, – мрачно изрек Мэйн.

– Можно надеяться, что от выпитого джина они все-таки успокоятся и заснут, – предположил Райан.

– Нет-нет, будет только хуже. Поверьте моему опыту. Молоток и инициалы на нем. Я...

Внезапно комиссар умолк и посмотрел на грузную женщину распорядившуюся в таверне. К ней подошел и встал рядом мужчина с красным лицом – очевидно, муж.

– Мне нужно поговорить с вами, – демонстративно игнорируя Беккера, сказал инспектору Мэйн. – Наедине.

На лице хозяина таверны читалось явственное недоумение, отчего это комиссар полиции уделяет такое внимание подозрительному рыжему ирландцу и не хочет пообщаться с патрульным.

– Констебль Беккер – мой помощник. Он должен быть в курсе всего.

Конечно, Беккер вряд ли ожидал услышать подобные слова, но ему все же удалось скрыть удивление.

– Ваш помощник? – Мэйн по-прежнему не смотрел на констебля. – Вам не кажется, что это несколько необычно?

– Как вы сами сказали, лорд Палмерстон будет давить на нас, чтобы мы поскорее раскрыли убийство и не допустили паники. Мы хотим заверить людей, что я испробовал все возможные варианты. Если вы не возражаете, давайте вернемся в магазин, там нас никто не подслушает.

– За исключением мертвых, – пробормотал комиссар.

Когда они появились в магазине, художник из «Illustrated London News» жадно глотал из фляжки и ничуть не смутился, что его застали за этим занятием.

– Думаю, эта работа не для меня, – с трудом выговорил он. – Когда я почувствовал, что больше не могу здесь находиться, я вышел на улицу и попытался зарисовать волнующуюся толпу, но...

– Ради всего святого, не помещайте в газете материалы о беспорядках на улице, – попросил комиссар.

– Насчет меня не беспокойтесь. Я практически ничего не мог разглядеть в тумане, не то что нарисовать. Но я насчитал там не меньше двух дюжин репортеров, так что не сомневайтесь, в газетных репортажах о том, что здесь сегодня произошло, вы прочтете и о волнениях.

Комиссар застонал.

– Представляю, что скажет лорд Палмерстон.

– В общем, на улице стало так жарко, что я предпочел вернуться в это проклятое место, – продолжил художник.

Внутри по-прежнему стоял одуряющий запах крови.

– Определенно, эта работа не для меня.

– Может, вам еще выпить? – предложил Райан.

– Еще чертовски много выпить! Если бы мне не были так нужны деньги...

– Нам нужно побыть здесь одним, – сообщил художнику инспектор. – На улице сейчас спокойно. Подышите свежим воздухом – возможно, полегчает. Или сходите в таверну, это здесь недалеко.

– Хотите побыть одни? Да сколько угодно, торчите здесь хоть до утра.

С этими словами газетчик выскочил из магазина и закрыл дверь.

Комиссар Мэйн стоял, уставившись на прилавок, за которым лежало тело хозяина. Хотя трупа и не было видно, от его незримого присутствия комната казалась совсем маленькой.

– Инициалы на молотке. Вы уверены, что там стояли буквы Дж. П.?

– Стопроцентно, – кивнул Райан.

– Мне было всего пятнадцать, но я помню, как был напуган. Как была напугана моя мать.

– Напуганы? – подал голос Беккер.

– Отец никогда не показывал виду, что чего-то опасается, но я чувствовал: ему тоже страшно.

– Не понимаю, – признался Райан.

– Вы оба слишком молоды и в то время еще не появились на свет. Каждый день я читал об этом все статьи, во всех газетах, какие мог найти.

– Об этом?

– Об убийствах на Рэтклифф-хайвей.

Райан и Беккер непонимающе нахмурились, и тогда комиссар все рассказал.

7 декабря 1811 года, суббота

События той ночи всколыхнули по всей Англии волну ужаса, равной которой с тех пор не было. Улица Рэтклифф-хайвей получила название не из-за крыс, а от скалы из красного песчаника, что нависает над Темзой⁵. Однако в 1811 году крыс здесь все же было великое множество, а отчаяние ассоциировалось с нищетой.

Каждое восьмое здание в том районе было таверной. Процветали азартные игры. На каждом углу толпились проститутки. Воровство приобрело такой размах, что между Рэтклифф-хайвей и лондонскими доками пришлось возвести стену наподобие крепостной.

Незадолго до полуночи торговец одеждой Тимоти Марр попросил своего подручного Джеймса Гоуэна помочь закрыть лавку. Он припозднился – нужно было обслужить моряков, только прибывших в порт и горевших желанием потратить деньги. Марр отправил служанку по имени Маргарет Джуэлл, чтобы она оплатила счет пекарю, а на обратном пути прихватила свежих устриц – пищу дешевую и простую, не требующую готовки. Однако пекарня оказалась уже закрыта, также не работали и все лавки, где можно было купить устриц. Расстроенная служанка вернулась в хозяйскую лавку и обнаружила, что дверь заперта. Ее громкий и настойчивый стук привлек внимание ночного сторожа, проходившего своим обычным маршрутом, и соседа, которому пришлось прервать поздний ужин, чтобы узнать, кто там шумит.

Сосед перелез через ограду и, обнаружив заднюю дверь незапертой, проник в дом, пошел по коридору и наткнулся на труп Гоуэна с разможенной головой. Все стены были забрызганы кровью. Сосед, трясаясь от ужаса, прошел непосредственно в лавку и замер на месте – возле входной двери распростерлось неподвижное тело миссис Марр. Голова ее превратилась в кровавое месиво, на полу валялись кусочки мозга. Едва способный пошевелиться, сосед все же смог отодвинуть засов на двери. В лавку чуть не сбив его с ног, ввалилась толпа народу. Была там и Маргарет Джуэлл. Она заглянула за прилавок, увидела изуродованное тело Тимоти Марра и завизжала.

Но, как выяснилось, на этом кошмар не закончился. При более пристальном осмотре тел оказалось, что всем – Марру его жене и подручному – убийца перерезал глотки. Причем в случае с хозяином разрез был таким глубоким, что обнажился шейный позвонок. В комнате в глубине дома нашли разломанную на кусочки колыбельку и мертвого младенца с проломленной головой; горло его также было перерезано.

⁵ В английском языке слова «rat» («крыса») и «red» («красный») произносятся одинаково.

– Все наличные деньги остались на месте, – подчеркнул комиссар Мэйн. – В спальне обнаружили молоток корабельного плотника с инициалами Дж. П. Его ударная часть была заляпана кровью со слипшимися волосами.

– Но... – Беккер замешкался, приводя мысли в порядок. – То же самое произошло и здесь, только убили двоих детей, а не одного.

Комиссар, похоже, даже не заметил, что констебль нарушил все правила, вступив в разговор раньше инспектора.

Теперь подал голос и Райан:

– Рэтклифф-хайвей находится всего в четверти мили отсюда. Вы сказали, суббота, седьмое декабря тысяча восемьсот одиннадцатого года?

– Сорок три года назад, – еле слышно подтвердил Мэйн.

– Сегодня десятое декабря, а не седьмое, но тоже ночь с субботы на воскресенье. Так что можно говорить о почти полном совпадении.

Мэйн кивнул.

– Я вырос в Дублине. Мой отец был судьей.

Прежде Райан и не предполагал, что комиссар ирландец, так же как и он. И, подобно Райану, он почти полностью избавился от ирландского акцента.

– В те давние времена, когда еще не существовало железных дорог, лондонские газеты и журналы доставляли на почтовых каретах. По хорошей дороге они могли передвигаться с потрясающей скоростью десять миль в час, – продолжил рассказ комиссар. – Новости о жестоком убийстве неумолимо распространялись по стране, а вслед за ними катилась волна ужаса. Когда почтовые кареты достигли порта в Холихеде, газеты погрузили на пакетботы, отплывавшие в Дублин. До появления пароходов суда полностью зависели от капризов погоды, находились во власти ветра и бурь. Бывало, им требовалось два дня, чтобы пересечь Ирландское море. Отец всерьез интересовался политикой, и все новости из Лондона представляли для него важность. Репортажи об убийстве на Рэтклифф-хайвей добрались до Дублина спустя пять дней после резни.

Райану и Беккеру показалось, будто стены начали сжиматься вокруг них.

– Мой отец не помнил – да и *никто* не помнил, – когда зараз убивали столько человек. Да, бывало, разбойник с большой дороги пристрелит ночью одинокого путника. Прохожего могли в темном переулке ограбить да и зарезать там же. Пьяные драки в трактире порой заканчивались тем, что кого-то из драчунов избивали до смерти. Но никто не мог припомнить, чтобы сразу убили троих взрослых и ребенка. Младенца! Да еще с такой жестокостью.

Новости об убийстве распространялись из города в город. Местные газеты перепечатывали подробности, и трагедию обсуждали абсолютно все. Но никто не мог предположить, что за безумец сотворил такое. Когда отец узнал из газет о случившемся – я уже говорил, это было через пять дней, – он заметил своему деловому знакомому, который находился у нас в гостях, что к этому времени убийца может оказаться где угодно. Действительно, он вполне мог находиться на борту пакетбота, доставившего ужасные известия в Ирландию. А то уже и в самом Дублине. Тут отец обнаружил, что я все слышу, и быстро прикрыл дверь.

В магазине покойного Джонатана похолодало. Когда комиссар поднял глаза, Райан и Беккер увидели, что в них застыла боль.

– Люди боялись покидать дома. Под подозрение попадал каждый незнакомец. Я слышал, что одна состоятельная женщина установила замки даже на внутренних дверях своего дома. Люди шарахались от всякого звука в ночи – они были уверены: это убийца идет по их души. Не сразу, но понемногу паника ослабевала. Однако вскоре страхи вернулись с удвоенной силой – спустя двенадцать дней после первого группового убийства произошло второе.

– Что? – воскликнул изумленный Райан. – Еще одно убийство? Через двенадцать дней?

– Всего в полумиле от лавки Марра. Опять в районе Рэтклифф-хайвей.

– На этот раз убийство было совершено в четверг, – продолжил комиссар. – За неделю до Рождества. Один из завсегдатаев таверны Джона Уильямсона торопился в это питейное заведение в надежде купить пива. Время было уже после закрытия. И тут он услышал крик: «Убийство!» Кричал полуобнаженный мужчина, болтавшийся на связанных вместе простынях, что свисали из окна верхнего этажа таверны.

Мужчина этот снимал у Уильямсона комнату. Он свалился на улицу, где его едва успел подхватить ночной сторож. Мужчина продолжал вопить, а сторож тем временем забарабанил в запертую дверь. Вокруг быстро собиралась толпа. Самые смелые откинули дверцу люка, через который загружали бочонки с пивом, и забрались в подвал. На полу они обнаружили тело Джона Уильямсона с разможенной головой. Орудие убийства – окровавленный ломик – лежало рядом с трупом. Горло жертвы было перерезано. Большой палец на правой руке был почти полностью отрублен, – очевидно, несчастный пытался защищаться.

Из подвала смельчаки поднялись в кухню и обнаружили там в луже крови жену Уильямсона: голова также разбита, горло перерезано. Подле нее лежало тело девушки-служанки с аналогичными повреждениями. Немного пришедший в себя жилец сообщил, что находился у себя в комнате, услышал снизу страшный шум и спустился посмотреть, что происходит. Стоя на последней ступеньке, он заглянул в кухню и увидел рядом с телом миссис Уильямсон какого-то мужчину. Он жутко перепугался и, страшась каждого звука, прокрался обратно в комнату, связал вместе простыни и попытался выбраться через окно.

Сообщения о резне распространились повсеместно. Зазвонили пожарные колокола. Мужчины схватили пистолеты, сабли и выбежали на улицы, охотясь на всех и каждого, кто выглядел хоть чуточку подозрительно. Один такой доброволец долго преследовал мужчину, которого считал убийцей, но на самом деле невинного, тот в итоге вытащил пистолет и пальнул преследователю прямо в лицо. Все иностранцы, в особенности ирландцы, априори считались виновными.

Комиссар сделал паузу после того, как упомянул про ирландцев, – удостовериться, что Райан прочувствовал весь ужас тогдашних дней.

– Чужаки прятались и от этого вызывали еще больше подозрений. Окна во всех домах были постоянно закрыты ставнями. Ночных сторожей нанимали, чтобы охранять дома, а потом их же начинали считать убийцами. Почтовые кареты доставляли газеты с новостями во все районы страны, и вместе с ними ширилась паника. Расположенные обособленно деревушки вооружались, их жители были убеждены, что убийца бежит из Лондона и непременно через их края, оставляя позади горы новых трупов. Помню, я ужасно напугался, когда услышал, как один из отцовских друзей сказал: «Мы больше не можем чувствовать себя в безопасности даже в собственных постелях». Я читал, что в Лондоне толпы людей устремлялись в церкви молить Господа о спасении своих жизней, но обнаруживали лишь приколотые к дверям объявления, гласившие: «Среди нас есть чудовища».

– Чудовища, – повторил Райан.

– Представьте всеобщее облегчение, когда анонимный источник привлек внимание к некоему Джону Уильямсу. Этот молодой матрос с торгового судна недавно вернулся из длительного плавания, а его страсть постоянно ввязываться во всякого рода стычки была хорошо известна.

– Джон Уильямс? – переспросил озадаченный Беккер.

– Верно. Он снимал комнату в нескольких минутах ходьбы от мест обоих преступлений. До него там обитал корабельный плотник и оставил после себя целый ящик инструментов. Среди прочего был и большой молоток с выцарапанными на ударной части инициалами плотника: «Дж. П.»

– Дж. П. Эти инициалы были на молотке, который мы обнаружили здесь, – сказал Райан.

– Теперь вы понимаете, почему я так встревожился. Владельцу меблированных комнат, где квартировал Уильямс, был знаком этот инструмент. Он опознал орудие убийства, оставленное в лавке Марра. В ночь второй резни Уильямс, когда вернулся в меблированные комнаты, – после того как пошли разговоры о новом убийстве, – вел себя, по сообщениям очевидцев, довольно странно. Припомнили, что одежда у него была перепачкана кровью, однако сам Уильямс утверждал, будто подрался в таверне.

Уильямса задержали и поместили в тюрьму Колдбат филдз, где он провел сочельник, Рождество и День подарков⁶. Допросить его предполагалось сразу после каникул. Но когда судьи собрались на заседание, куда проникли и любопытствующие, желавшие посмотреть и послушать, как будут допрашивать предполагаемого убийцу, из тюрьмы поступило сообщение, что стража обнаружила Уильямса мертвым в его камере.

– Мертвым? – удивился Беккер.

– Самоубийство. Под потолком его камеры имелось что-то вроде балки, на которой тюремщики проветривали постельное белье. Уильямсу позволили оставить одежду, так он привязал платок к этой балке, сделал петлю и удавился. Но самое ужасное было еще впереди.

– Трудно это представить, – прошептал Райан.

– Власти сочли, что самоубийство Уильямса равносильно признанию им вины. Обычно, чтобы продемонстрировать, что случается с чудовищами, когда их ловят, устраивают публичную казнь. Однако в данном случае это было невозможно, поэтому 31 декабря тело Уильямса привязали к наклонной платформе, установленной на телеге, и в таком виде вывезли в город для всеобщего обозрения. В углубление слева от головы положили плотницкий молоток. Над головой лежал ломик. С противоположной стороны от молотка в таком же углублении поместили еще один предмет, которому вскоре предстояло сыграть главную роль во всей церемонии.

Лошадь тащила телегу по Рэтклифф-хайвей, и на всем пути следования толпились зрители. Впереди и позади шествовало огромное число политиков – все желали, чтобы их заметили. Процессия достигла лавки Марра, в которой произошло первое убийство, и остановилась. Телегу поставили таким образом, чтобы лицо Уильямса смотрело на место его чудовищного злодеяния. Через десять минут движение возобновилось, и вскоре все оказались у таверны, в которой было совершено второе ужасное преступление. В общей сложности вдоль дороги собралось и наблюдало за процессией двадцать тысяч человек. Они были необычайно молчаливы, как будто учиненная Уильямсом двойная бойня немного повредила их рассудок. Единственным человеком, проявившим эмоции, оказался какой-то кучер. Он прорвался к телеге и несколько раз прошелся кнутом по неподвижному лицу покойника.

Инспектор дернул щекой.

– Последнюю остановку повозка совершила на пересечении Кэннон и Кэйбл-стрит. Из мостовой быстро выковыряли брусчатку, выкопали яму. В нее кинули тело Уильямса. Из углубления, противоположного тому, где лежал молоток, извлекли предмет, о котором я упомянул. Это был кол.

– Что? – переспросил Райан.

– В яму прыгнул человек, исполнявший роль палача, и забил кол в сердце Уильямса. Тело засыпали негашеной известью. Потом яму забросали землей, положили на место брусчатку. Когда я узнал эти подробности, я спросил отца, зачем был нужен кол. Он рассказал, что таково старинное поверье: только если пронзить сердце колом, можно быть уверенным, что злой дух не сможет вернуться к жизни и вновь творить свои гнусные дела.

– А почему его похоронили на перекрестке? – поинтересовался Беккер.

⁶ День подарков (англ. Boxing Day) – праздник, отмечаемый в Великобритании и ряде других стран 26 декабря.

– Еще одно суеверие, – пожал плечами комиссар. – Если, несмотря на кол, дух чудовища сможет каким-то образом явиться в мир живых, он навечно окажется в ловушке – не будет знать, какую из четырех дорог выбрать. Первое время вынутые из мостовой и установленные назад камни выпирали над остальными, обозначая место захоронения чудовища, и проезжавшие через перекресток старались его миновать, чтобы не осквернить себя соприкосновением с могилой убийцы. Но постепенно поверхность проезжей части выровнялась. Люди забыли, где был похоронен Уильямс, забыли, что его вообще похоронили.

– Я часто прохожу этот перекресток, – сообщил Райан, – но ничего не подозревал.

– Узнав, что с кошмаром покончено, я смог наконец спать спокойно и не бояться, что Уильямс поджидает снаружи, в темноте, – закончил рассказ Мэйн.

– Все действительно закончилось? Убийств больше не было?

– Нет, не было.

В доме что-то скрипнуло, как будто пошевелилось мертвое тело. Но конечно, все дело было в сильном ночном ветре, от которого раскачивались ставни и дрожали стекла в окнах. Тем не менее Райан, Беккер и комиссар, точно по команде, уставились на закрытую дверь, ведущую к трупам в коридоре, кухне и спальне.

– Это убийство... вы думаете, кто-то нашел старый молоток и нацарапал на нем инициалы Дж. П., чтобы вызвать ассоциации с теми убийствами? – спросил Беккер. Тут тревожная мысль пришла ему в голову, и констебль поежился. – Или же... Но нет, такое вряд ли возможно.

– Говорите, что у вас на уме, – попросил Райан. – Если будем работать вместе, хотелось бы, чтобы вы не держали ничего при себе.

– Может это быть тот же самый молоток, которым пользовался убийца сорок лет назад? Внезапно открывшаяся входная дверь заставила всех троих вздрогнуть.

Вошел бородатый художник из «Illustrated London News».

– Ваше? – спросил он Райана и протянул кепку. – Ее подобрал один из патрульных. Он решил, что вы вроде потеряли такую.

– Да, это моя. Спасибо. – Райан натянул кепку на голову получив наконец возможность скрыть рыжие волосы. – Сколько лет в редакциях хранятся старые выпуски газет?

– В «Illustrated» имеются все номера с тысяча восемьсот сорок второго года, когда газета начала издаваться.

– Нас интересует восемьсот одиннадцатый. И любые зарисовки орудия убийства, которые могли сделать в тот год.

– Тогда еще газеты не публиковали никаких рисунков. Мы были первыми. А убийство? О каком убийстве вы говорите?

– На Рэтклифф-хайвей.

– Ах, об этих, – произнес художник как ни в чем не бывало.

– Вы знаете об этих убийствах? – воскликнул изумленный комиссар. – Откуда? Вы слишком молоды и в одиннадцатом году еще не родились.

– Разумеется. Я прочитал о них на прошлой неделе.

– Прочитали? – Беккер был удивлен не меньше комиссара.

– В эссе «Убийство как одно из изящных искусств».

– О чем вы, черт побери, говорите? – спросил Райан.

– О любителе опиума. О Томасе Де Квинси.

– Всем известно, кто такой Де Квинси. Но какое он имеет отношение к...

– В пятницу я делал его портрет для нашей газеты. Сейчас выходит в свет сборник его произведений. Он встречался с журналистами, чтобы о нем напечатали в газетах и тем самым способствовали росту продаж книг. Недостойно это, если хотите знать мое мнение. Но когда этот Любитель Опиума вел себя достойно?

– Я по-прежнему не...

– Эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Это другая книга, совсем не то что рассказы о курении опиума. Ну и поскольку я его рисовал, то решил почитать, сам узнать, из-за чего такой ажиотаж.

Словно ставя точку в повествовании, бородатый художник поднес ко рту фляжку, отхлебнул и сказал:

– Де Квинси писал не только о своем пристрастии к опиуму. В этом эссе он описывает убийства, совершенные на Рэтклифф-хайвей.

– Что?

– Он снова и снова возвращается к ним. Это самая кровавая книга, которую я читал в своей жизни. Мне после нее снятся кошмары. Он приводит столько отвратительных подробностей, что можно подумать, Де Квинси сам там был.

Глава 5

Величие убийства

Патерностер-роу получила название в четырнадцатом веке, из-за того что на этой улице хорошо было слышно, как монахи поют «Патерностер»⁷ в расположенном поблизости соборе Святого Павла. В те времена в лавках на Патерностер-роу продавали религиозные тексты и четки. Но к 1854 году здесь сосредоточился центр лондонского издательского мира. В шесть часов утра (как раз прозвонили колокола в соборе, пробуждающие добропорядочных граждан и созывающие их на утреннюю службу) Райан и Беккер вышли из полицейского экипажа.

Было еще темно, но туман рассеялся, и полицейские увидели по обеим сторонам улицы огромное количество книжных лавок. Многие принадлежали книгоиздателям, которые в дневные часы выносили на улицу столы и предлагали прохожим свою продукцию. Однако в шесть часов утра в воскресенье глупо было надеяться обнаружить работающую лавку, поэтому Райан и Беккер просто пошли вдоль по улице, стуча во все двери в надежде, что кто-нибудь из торговцев здесь же и живет.

Наконец в одном из домов открылось окно второго этажа, и наружу высунулся заспанный старик.

- Что за шум?
- Вы здесь работаете? – крикнул Райан.
- Да. Убирайтесь.

Старик собрался закрыть окно, но инспектор поднял руку.

- Полиция. Нам нужно с вами поговорить.
- Полиция?

Хотя это заявление, похоже, произвело на владельца лавки должное впечатление, прошло несколько минут, пока он спустился со второго этажа и открыл входную дверь. Старик был одет в пижаму и ночной колпак. Белая борода курчавилась на запавших щеках.

- Эти колокола и так громко трезвонят, а тут еще вы стучитесь, – проворчал он.

Надевая трясущимися руками очки, старик откровенно недоумевал, что констебль в форме делает в обществе подозрительного типа с рыжими волосами, которых не могла полностью скрыть легкомысленная кепочка.

- Любитель Опиума, – сказал Райан.

– Томас Де Квинси? – Старик проигнорировал инспектора и его поношенное пальто и обратился к Беккеру, щеголявшему в новенькой форме: – А что вас интересует? Здесь вы его не найдете. Встреча с ним проходила в субботу.

- Мы ищем книги, которые он написал.

Старик снова не обратил внимания на Райана и продолжил, глядя на констебля:

- Они хорошо расходятся. У меня осталось всего несколько экземпляров.
- Нам нужно прочесть их, – сообщил Райан.

– По воскресеньям мы не работаем. – Старец упорно игнорировал инспектора и общался исключительно с Беккером. – Но вы приходите после службы. Для констебля я сделаю исключение.

- Нет, мы читаем их сейчас.

Райан оттер владельца лавки плечом и прошел внутрь.

⁷ «Патерностер» – Господня молитва на латинском языке (от *лат.* «Pater noster» – «Отче наш»).

Страницы переплетенного в кожу тома необходимо было разрезать. Беккер с трудом скрыл удивление, когда инспектор задрал штанину, вынул нож из закрепленных на ноге ножен и принялся за книгу.

– Будьте осторожны, – взмолился смилившийся с неизбежным старик. – Покупатели очень требовательны к тому, как разрезаны их книги. И скажите, констебль, с каких пор арестантам дозволяется иметь при себе ножи?

– Это не арестант. Инспектор полиции Райан.

– Ирландец.

Старик кивнул с таким видом, будто его подозрения полностью подтвердились.

– Расскажите нам, что собой представляет книга «Убийство как одно из изящных искусств», – попросил Райан.

– Сдается мне, вы знаете побольше моего.

Инспектор впился в старика взглядом, и тот поднял руки вверх.

– Если вы говорите об этих эссе Де Квинси...

– Об этих? – уточнил Райан. – Де Квинси написал не одно эссе об убийстве?

– Три. И все они содержатся в этой книге, которую вы пытаетесь изуродовать. Де Квинси просто наслаждается своими убийствами.

– Убийствами?

– Написав «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», он пообещал, что следующая книга будет называться «Исповедь убийцы».

Полицейские разинули рты.

– Но вместо книги об убийствах он написал три эссе на эту тему, – открывая книгу, сообщил старик.

Пораженные Райан и Беккер узнали о мужском клубе, в котором читались доклады о самых громких преступлениях человеческой истории. Клуб носил имя Уильямса, в честь Джона Уильямса, человека, обвиненного в двух групповых убийствах на Рэтклифф-хайвей.

– Господи! Вы только посмотрите, как Де Квинси воспевает убийства, – сказал Райан. – Вот: «Самое грандиозное из когда-либо совершенных. Его гений просто поражает».

– И здесь! – воскликнул изумленный Беккер и процитировал: – «Самое потрясающее в этом столетии. Равных ему не было и не будет. Гений. Все прочие убийства бледнеют в кровавых отблесках этого».

– Этот Де Квинси, похоже, сумасшедший.

Полицейские узнали от старика, что последнее эссе Де Квинси об убийствах было опубликовано буквально в предыдущем месяце. В нем Любитель Опиума на пятидесяти страницах в красочных, кровавых подробностях рассказывает о совершенных Уильямсом групповых убийствах. Несмотря на то что с тех пор прошло уже сорок три года, описание было настолько ярким, что казалось, будто убийства случились предыдущей ночью.

«Он явился сюда отнюдь не для прогулки по многолюдным улицам. Сказать – значит сделать. Тем вечером он втайне дал себе слово исполнить замысел, уже в целом набросанный, коему суждено было поразить наутро словно громом „все могучее сердце Лондона"... Впоследствии вспоминали, что Уильямс покинул свое жилище ради задуманного мрачного предприятия около одиннадцати часов вечера; приступить к делу столь рано он вовсе не намеревался – необходимо было провести рекогносцировку. Инструменты он скрывал за бортом наглухо застегнутого просторного плаща».

Райан ткнул пальцем в следующую страницу.

– Лавка Марра была открыта до полуночи. Уильямс прятался в темноте на противоположной стороне улицы. Служанку отослал с поручением хозяин. Мимо проходил ночной сторож, и он помог Марру затворить ставни. Потом...

«Уильямсу пришлось дожидаться, когда затихнут за углом шаги сторожа: прошло, наверное, секунд тридцать, не более; одна опасность миновала, но возникла новая – а что, если Марр запрет дверь? Поворот ключа – и убийца лишится доступа в дом. Уильямс стрелой ринулся за порог – и ловким движением левой руки повернул ключ в замке, оставив Марра в неведении относительно этой роковой уловки».

– Левой руки, – повторил Беккер. – Откуда Де Квинси может знать, что Уильямс повернул ключ именно левой рукой?

«Подойдя к прилавку вплотную, вошедший попросил хозяина показать ему пару грубых хлопчатобумажных носков».

– Хлопчатобумажных носков? А об этом как он узнал? Ведь в комнате находились только убийца и его жертва!

«Убийца наверняка хорошо изучил, какие товары где хранились: он уже заранее удостоверился в том, что для извлечения требуемого Марру потребуется развернуться спиной и, обведя глазами одну из верхних полок, снять коробку с высоты приблизительно восемнадцать дюймов».

– Восемнадцать дюймов?! – Теперь уже и Райан не смог сдержать возглас удивления. – Откуда такая точность?

«Эти телодвижения устраивали злоумышленника как нельзя более: едва только Марр, обратив к нему беззащитный затылок, занялся поисками, убийца внезапно извлек из-под широкого плаща увесистый молоток судового плотника и одним-единственным мощным ударом лишил жертву всякой способности к сопротивлению».

– Все в точности как произошло прошлым вечером, даже хлопчатобумажные носки мы обнаружили на полу! – воскликнул Беккер. – Владелец лавки как раз, наверное, потянулся достать их. Вот – прочитайте про младенца.

«...Негодяй столкнулся с двумя затруднениями: сначала его смутило дугообразное покрытие над навесом колыбели, которое он сокрушил ударом молотка, а затем перегородки, которые не позволили ему свободно наносить удары. Уильямс завершил свои манипуляции, как обычно, полоснув бритвой по горлышку невинного малютки, после чего без всякой видимой причины, как если бы смутившись картиной собственного злодеяния, не поленился нагромоздить над бездыханным тельцем целую грудку белья».

– То же самое, что обнаружили мы.

– Два, – вдруг произнес Райан.

– Что?

– Уильямс совершил два убийства.

Инспектор перевернул страницу, и глазам его предстали строки, описывающие новые ужасы: случившееся двенадцать дней спустя зверское убийство хозяина таверны, его жены и служанки.

– Посмотрите на фамилию владельца таверны, – сказал констебль.

– И что с ней?

Беккер ткнул в строчку на странице.

– Джон Уильямсон.

– И? – спросил Райан.

– Убийцу звали Джон Уильямс, а жертву второй резни – Джон Уильямсон.

Инспектор в растерянности уставился на Беккера.

– Джон Уильямс. Джон Уильямсон. Как будто они родственники. Вроде как отец убивает сына.

– Это наверняка совпадение, – заявил Райан. – Комиссар непременно упомянул бы о том, что между убийцей и жертвой существует родственная связь. Кроме того, в нашем случае это невозможно. Уильямс по возрасту вполне мог бы быть сыном хозяина таверны, но никак не отцом. Нет, это не имеет смысла. Лучше взгляните, в каких подробностях этот Де Квинси описывает совершенные убийства.

«Служанку убийца застал стоящей на коленях: она натирала графитом каминную решетку. Покончив с этим поручением, она принялась за другое и стала заполнять очаг углем и растопкой... Миссис Уильямсон, вероятно, не видела вошедшего, поскольку стояла спиной к двери. Ее-то, до того как его заметили, Уильямс и сразил сокрушительным ударом по затылку; этот удар, нанесенный ломиком, раздробил едва ли не половину черепа. Миссис Уильямсон упала; шум ее падения привлек внимание служанки – вот тогда-то у нее и вырвался крик... крикнуть во второй раз она не успела; убийца, взмахнув своим оружием, расколол ей череп с такой силой, что осколки врезались в мозг. Обе женщины были несомненно мертвы – и продолжать душегубство попросту не имело смысла... однако убийца немедленно принялся перерезать обеим глотки. ...Служанка, стоявшая на коленях, так и не успела разогнуться – и подставила голову ударам без сопротивления; после чего негодяю оставалось только откинуть ей голову, чтобы обнажить горло».

– Я словно сам там побывал, – негромко поделился своими ощущениями Беккер. – Сорок три года прошло, а этот Любитель Опиума пишет об убийствах так, как будто все случилось вчера.

– Он испытывает радость, описывая кровавую бойню. – Райан схватил книгу и порывисто вскочил на ноги. – Нам нужно с ним поговорить.

– С кем? С Де Квинси?

На лестнице послышались шаги, а через секунду полицейские увидели владельца книжной лавки – он оделся для воскресной службы, а в руке держал псалтырь.

– Вы сказали, он был здесь в субботу? – уточнил Беккер.

– Да. Сидел вон в том кресле. Не очень-то ему было хорошо. Лоб у него блестел от пота. Сидел вроде спокойно, но безостановочно болтал ногой. Вероятно, ему требовалось принять лауданум. Но его дочь периодически приносила чай, и он смог ответить на все вопросы покупателей. И, должен признаться, продал много книг. Кстати, вы собираетесь купить эту, которую так ужасно изуродовали?

– Со скидкой для служителей закона.

– Разве кто-то говорил про скидку?

Райан положил на стол половину от стоимости книги.

– Вам известно, куда он направился?

– Ну, я знаю, что живет он в Эдинбурге.

– Уехал в Шотландию? Нет!

– Но у меня сложилось впечатление, что ближайшую неделю они с дочерью проведут в Лондоне.

– Где? – продолжал расспросы Райан.

– Не имею представления. В отличие от вас, полицейских, – язвительно заметил старик, окинув пренебрежительным взглядом потертое пальто инспектора, – я не интересуюсь личными делами других людей. Возможно, его издателю что-нибудь известно.

– Где нам искать этого издателя?

– Адрес можно обнаружить в книге, за которую вы требуете скидку. Но если хотите поговорить с Де Квинси в ближайшее время, думаю, этот адрес вам не поможет.

– Почему?

– Издатель тоже проживает в Эдинбурге.

Райан и Беккер бегом покинули книжную лавку и забрались в экипаж.

– Вокзал Ватерлоо, – сказал инспектор кучеру.

Люди, направлявшиеся на службу в собор Святого Павла, неодобрительными взглядами провожали Райана, уверенные, что полиция арестовала этого рыжего ирландского бандита.

– Де Квинси писал о двух случаях, – подал голос Беккер.

Райан кивнул.

– Да, на Рэтклифф-хайвей было совершено два убийства. Что у вас на уме, Беккер?

– Как вы считаете, будут еще убийства?

Экипаж подъезжал к мосту Ватерлоо, и плотно застроенные домами улицы уступили место широкой речной долине; по реке плыли, оставляя за собой кильватерные струи, пароходы, баржи и простые лодки.

Беккер заметил, что инспектор сидит, уставившись в пол, и совершенно не смотрит по сторонам, на широкую, могучую реку. Он с такой силой ухватился за борта коляски, что костяшки пальцев побелели. Только когда они оказались на противоположном берегу и стали удаляться от Темзы, Райан расслабился и оторвал взгляд от пола.

– С вами все в порядке? – осторожно спросил Беккер.

– А почему вы спрашиваете?

– Мне показалось, вам было не по себе, когда мы переезжали через реку.

– Мне не по себе от этого убийства.

Они вылезли из экипажа, прошли через высокую арку и оказались в огромном здании вокзала.

Райан еще помнил времена, когда не существовало железных дорог. Первая – соединившая Ливерпуль и Манчестер – была построена в 1830 году, когда ему исполнилось шестнадцать. До того большинство перевозок осуществлялось конными экипажами, которые – как отметил комиссар Мэйн – могли двигаться не быстрее десяти миль в час. Впрочем, поддерживать на всем протяжении маршрута такую поразительную скорость способны были лишь почтовые кареты, благодаря сети почтовых станций, на которых меняли лошадей. Сейчас же, когда всю страну избороздили железные дороги, стало возможным путешествовать с ранее невообразимой скоростью шестьдесят миль в час.

Однако для того, чтобы вся система нормально функционировала, требовалось четкое согласование времени прибытия и отправления поездов. В результате население основательно переосмыслило свое отношение к времени и расстоянию. До появления железнодорожного транспорта часы в деревушке, скажем, в северо-западной Англии могли показывать десять минут восьмого, а в другой деревушке, расположенной в сотне миль от первой, время отставало на двадцать минут. Такое расхождение было незаметно в эпоху путешествий на каретах, запряженных лошадьми, когда расстояние между двумя этими деревнями преодолевалось более чем за десять часов.

Но теперь, когда поезда пролетали те же самые сто миль за какой-то час и сорок минут, разница во времени стала играть важную роль. При наличии несогласованности во времени

практически во всех уголках Англии создание единого, скоординированного расписания движения представлялось невозможным. Тогда решено было принять за эталонное время, установленное Королевской Гринвичской обсерваторией в Лондоне, и все часы на железной дороге (а в скором времени и вообще все часы по всей стране) начали показывать одинаковое время, так называемое «железнодорожное».

Удивительно, но оказалось, что информация может преодолевать расстояние даже быстрее пассажира, едущего на поезде, и покрывать сотни миль не за несколько часов, а (поразительно!) лишь за несколько секунд. Возможным это стало благодаря появлению вслед за железными дорогами и быстрому распространению телеграфной связи. Телеграфист отстукивает ключом текст – и сообщение летит к адресату с прежде совершенно немыслимой скоростью.

В отделении телеграфа на вокзале Ватерлоо Райан продиктовал оператору сообщение для издательства Джеймса Хогга, расположенного по адресу: Шотландия, Эдинбург, Николсон-стрит, 4. Этот адрес был указан в книге.

Текст телеграммы гласил:

ЛЮДИ В ОПАСНОСТИ. НЕМЕДЛЕННО СООБЩИТЕ ЛОНДОНСКИЙ АДРЕС ТОМАСА ДЕ КВИНСИ.

– Можно подумать, будто Де Квинси находится в опасности, – заметил Беккер.

– Так мы сможем быстрее получить ответ.

Пока полицейские разговаривали, сообщение должно было уже долететь до эдинбургского телеграфа. Через несколько минут посыльный отправится с запечатанным конвертом по адресу, где находится контора Хогга. Если издателя на месте не окажется (а скорее всего, так и получится – ведь на дворе воскресное утро), посыльный начнет расспрашивать всех подряд, пока не узнает, где находится квартира Хогга.

Вторую телеграмму Райан отправил в отделение полиции Эдинбурга.

РАССЛЕДУЕМ УБИЙСТВО. СРОЧНО РАЗЫЩИТЕ ПО ЭТОМУ АДРЕСУ ДЖЕЙМСА ХОГГА. НЕОБХОДИМО ЛОНДОНСКОЕ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ТОМАСА ДЕ КВИНСИ.

– А теперь вы составили текст так, будто Де Квинси подозреваемый.

– А разве нет? – парировал Райан. – Эдинбург по сравнению с Лондоном небольшой город, и после обеда одна из двух телеграмм должна принести какие-то плоды. Двадцать лет назад, когда я служил, как и вы сейчас, констеблем, в Эдинбург даже не ходили поезда. Не говоря уже о наличии телеграфной связи. На это ушли бы недели.

– А если Хогг находится в отъезде? Он может оказаться и в Лондоне.

– Тогда я прикажу патрульным проверить все лондонские гостиницы и отыскать его. Как бы там ни было, я намереваюсь узнать, где находится этот чертов Де Квинси.

На месте преступления по-прежнему толпился народ.

Едва Райан и Беккер выпрыгнули из экипажа, к ним тут же подбежал констебль и отпортовал:

– Инспектор, соседи, с которыми я поговорил, ничего такого не заметили.

– То же и у меня, – сообщил другой. – Туман и холод загнали всех в дома.

– Я нашел молоденькую шлюху, так она утверждает, что видела незнакомого человека, – доложил третий констебль.

– Должно быть, ей пришлось совсем туго, раз она вышла работать вчера ночью, – хмыкнул Райан.

– Это одна причина, почему она его заметила. Никого больше рядом не было.

– Одна? – прищурился Райан.

– Она говорит, что пошла к нему, но этот парень так на нее взглянул, что бедняжка поняла: если подойдет еще ближе, то нарвется на неприятности. Говорит, ни у кого еще не видела таких жутких глаз.

– Она описала этого незнакомца?

– Высокий. Широкоплечий. В матросском плаще и шапке. С желтой бородой.

– С желтой? Не многие люди имеют бороды такого цвета. Мы просмотрим полицейский каталог и поищем нашего парня. – Райан знал, что, если этого человека арестовывали за последние десять лет, информация о его прозвищах, возрасте, росте, весе, татуировках, родимых пятнах, шрамах и других характерных приметах должна была быть записана во время ареста. – А девушка не обратила внимания, куда он направился?

– Она говорит, у нее хватило ума пойти в противоположную сторону.

– Продолжайте опрашивать соседей. И расширьте зону поиска.

Райан и Беккер двинулись в таверну и прошли в заднюю комнату, где двое патрульных стерегли закованного в наручники подозреваемого.

Тот продолжал утверждать, что накануне сильно выпил и не помнит, где именно был и что делал, а также не может назвать никого, кто бы подтвердил, где он находился во время убийства.

– У него башмаки подбиты гвоздями, – обратил внимание инспектора Беккер. – А следы, которые мы нашли, были другие.

– Конечно подбиты, как же иначе? – проворчал пленник. – Я не могу себе позволить постоянно ставить новые подметки.

– Существует вероятность, что он сменил обувь, – заметил Райан. – Однако размер он бы сменить не смог.

– Проверим.

Беккер стащил башмак с ноги возмущенного арестанта и отправился на улицу, чтобы сравнить со следами в переулке, – к этому времени гипс должен был уже высохнуть.

Через несколько минут констебль вернулся и кратко доложил:

– Слишком маленькие.

Райан поскреб затылок.

– Похоже, он тут ни при чем.

– Инспектор Райан?

Он повернулся. В дверях стоял констебль.

– Тут вас мальчонка разыскивает. Говорит, у него телеграмма. Райан прочитал текст и улыбнулся.

– А вот и адрес Де Квинси.

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Ко всем приключениям, которые мне довелось пережить с отцом, теперь добавилось еще одно: нас арестовали. Правда, констебль Беккер и подозрительный рыжий тип – он представился как инспектор Райан – утверждают, что это вовсе не арест, но их мрачный вид и поспешность, с которой нас усаживали в полицейскую коляску, опровергают их слова.

– Ехать с вами в Скотленд-Ярд? С какой стати? – возмущился отец.

Туман сгустился на глазах.

– У нас к вам есть вопросы, – заявил рыжий.

– Какие?

– Об убийствах на Рэтклифф-хайвей.

– Все, что я хотел рассказать о них, можно найти в моей последней книге. Почему вас так беспокоит то, что произошло сорок три года назад?

– Не сорок три года назад, – покачал головой рыжий.

Инспектор? Большие смахивает на бандита.

– Разумеется, это было сорок три года назад, – раздраженно бросил отец. – Что, полицейских не учат считать? Отнимите тысячу восемьсот одиннадцать от...

– Вчера поздним вечером, – оборвал его Район.

– Простите?

– Убийство было совершено вчера вечером.

Вмиг словно похолодало. Несмотря на густой туман, я увидела, как отец выпрямился.

– Убийство? Вчера вечером? – прошептал он.

– Кто-нибудь может подтвердить, что вы делали вчера между десятью вечера и полуночью? – спросил Беккер.

Из уст Района вопрос, возможно, прозвучал бы как обвинение, но констебль сумел задать его ненавязчиво.

– Нет.

– Пожалуйста, расскажите нам, где вы находились в этот отрезок времени, – дружеским тоном попросил констебль.

– Я не знаю.

– Не знаете? – невежливо перебил отца Район. – У вас от пристрастия к лаудануму память ослабла?

– Моя память в полном порядке.

– Тогда, наверное, вы вчера вечером приняли такую дозу, что уже не соображали, что делаете?

– Я знаю, что делал, но не знаю где.

Район покачал головой.

– Что опцум делает с людьми!

Констебль Беккер шагнул ко мне и спросил тем же дружеским тоном:

– Могу я узнать ваше имя, мисс?

– Эмили Де Квинси. Это мой отец.

– Вы не поможете нам понять, что он имеет в виду?

– Я имел в виду именно то, что сказал, – произнес отец. – Если бы вы спросили меня, что я делал, а не где был, я бы ответил вам: гулял.

– Гуляли? Так поздно? – снова вмешался грубый Район.

Туман продолжал заключать нас в свои объятия.

Я, кажется, разгадала хитрый замысел полицейских. Рыжий инспектор своим поведением пытался запугать нас, в то время как констебль проявлял участие; таким образом они пытались сбить нас с толку и заставить сделать какое-нибудь необдуманное заявление.

– Отец подолгу ходит, – объяснила я. – Особенно когда пытается сократить дозу лауданума. Тогда он ходит очень много.

– Как-то в Озерном крае я за лето прошагал две тысячи миль, – с гордостью сообщил отец.

– Две тысячи миль? – Район не скрывал изумления.

– Здесь холодно, – сказал отец. – Может, не будем стоять на улице и привлекать внимание соседей, а пройдем в дом?

– Нам нужно ехать в Скотленд-Ярд, – безапелляционно заявил Район.

– А в вашем экипаже имеется уборная или вы остановитесь по дороге, чтобы мы могли ее поискать? – спросил отец и повернулся ко мне. – Дорогая, извини за такие подробности.

Теперь уже отец пошел на хитрость. Он никогда не употреблял слова «уборная» – сортир и сортир.

– Ничего страшного, папа.

– А в доме уборная самая что ни на есть примечательная, – сообщил отец полицейским. – Наша экономка говорит, ее оборудовали устройством вроде того, что демонстрировалось на Всемирной выставке в Гайд-парке три года назад. «Нажал – смыл» – такая, кажется, табличка висела возле него. Экономка рассказывает, что изобретатель брал пенни за каждый «смыв». Всемирную выставку посетило почти шесть миллионов человек. И каждый заплатил по пенни, представляете?

– Ну хорошо, – вздохнул Район. – Пройдемте в дом.

Когда мы вчетвером вошли в гостиную, миссис Уорден последовала за нами и всем своим видом выражала живейший интерес к происходящему; похоже, она не могла дождаться, когда же Любителя Опиума начнут допрашивать полицейские.

– Я разожгу камин, – предложила она, найдя повод остаться и послушать.

– Не утруждайте себя, – сказал Район. – Мы здесь не задержимся, так что не стоит нагревать комнату.

– Отец ничего не ел с самого завтрака, – обратилась я к экономке. – Принесите, пожалуйста, чай и бисквиты.

Миссис Уорден не двинулась с места.

– Пожалуйста, – с нажимом попросила я.

Экономка с неохотой отправилась выполнять свои обязанности, при этом едва не застряла широким платьем в дверях. Я предположила, что она станет подслушивать из кухни.

После ухода миссис Уорден все мужчины по очереди – сказывалась холодная погода – воспользовались тем, что отец продолжал именовать уборной. Она находится у нас на первом этаже. Несмотря на то что живем мы в фешенебельном районе Лондона, где специальная компания подает воду в жилые дома, работает система ненадежно. Если бы уборная располагалась выше, давления воды для ее нормальной работы было бы недостаточно.

Хотя все в доме ходили туда-сюда, я заметила, как отец украдкой поднялся по лестнице, а через пару минут вернулся в гостиную. В помещении было довольно прохладно, но лоб отца покрывала испарина. Утром он тоже вспотел, но тогда лоб блестел от физических упражнений, а сейчас... такого рода испарина была мне, к сожалению, хорошо знакома и могла означать только одно.

– О, отец, – прошептала я с досадой.

Он только пожал плечами. Пальто с левой стороны оттопыривалось – там, конечно же, находилась фляжка с лауданумом. В общем, этого следовало ожидать – ведь я знаю, как тяжело (в физическом смысле) отцу, когда он общается с чужими людьми.

– Что вы хотели сказать этим «о, отец»? Что – то важное? – любопытствовал констебль Беккер.

Взгляд его перебежал с моего лица на лицо отца. При свете горевшей в гостиной лампы я увидела на подбородке у констебля шрам. Впрочем, этот маленький изъян его нисколько не портит.

– Дочь просто обратила мое внимание, что она очень устала.

– Отец, совсем наоборот.

– Вчера вечером вы отправились на прогулку? – спросил Район.

– В последнее время я беспокойно себя чувствую, – ответил отец. – Не стыжусь признаться, что задолжал большие суммы денег. Мне пришлось одновременно внести арендную плату за шесть квартир.

– Отец, если бы не твои книги, тебе не нужно было бы столько. – Я повернулась к констеблю и пояснила: – Он забивает книгами один дом, потом снимает другой и так далее.

– Эмили, это семейное дело, и давай не будем выносить сор из избы. Некоторые домовладельцы были настолько бессердечны, – сообщил отец, обращаясь к полицейским, – что волокли меня в суды и даже в тюрьму.

– В тюрьму? – восторженно воскликнул Район.

– Да, в тюрьму. И как я мог, по-вашему, там работать, чтобы расплатиться с долгами и содержать свою дорогую, ныне покойную, жену и восьмерых (тогда восьмерых) детишек? Спасибо друзьям, которые погасили мои долги, так что я смог выйти на свободу. Но теперь, как вы понимаете, я был должен еще и друзьям, так же как домовладельцам, мяснику и пекарю. Видите, это нарастало как снежный ком. Порой, чтобы не попасть в лапы бейлифа, я вынужден был ночевать в стогу сена. Но все это суицидальные мелочи по сравнению с тем, что мне довелось пережить, когда я в возрасте семнадцати лет жил на холодных лондонских улицах.

Констебль нахмурился.

– Мисс Де Квинси, ваш отец всегда разговаривает подобным образом?

– Каким? – удивился отец.

– Столько слов и так быстро.

– Не быстро, – возразил отец. – Это все остальные говорят медленно. Я просто вязну в их речах и страстно желаю, чтобы они побыстрее облакали мысли в слова. Ммм, констебль Беккер, не хотелось бы, чтобы вы сочли это за дерзость, но у вас левая штанина ниже колена в крови.

– В крови? – Констебль взглянул на ногу. – Да. Наверное, разошелся один из швов.

– Что с вами случилось?

– Прошлой ночью на меня напали две свиньи.

Теперь уже отец казался сбитым с толку.

Миссис Уорден протиснулась в дверь и поставила на стол поднос с чашками, чайником и тарелочкой с бисквитами. Разлила чай, но не вышла из комнаты, а встала в сторонке.

– Благодарю вас.

Тоном, каким это было сказано, инспектор Райан дал понять, что экономка может удалиться.

Разочарованная миссис Уорден отправилась на кухню, где, несомненно, продолжила подслушивать.

– Итак, вы говорили об убийствах, – произнес отец.

– Да, – кивнул инспектор. – Это произошло вчера вечером недалеко от Рэтклифф-хайвей.

Голубые глаза отца сузились.

– Сколько убитых?

– Пятеро. Трое взрослых и двое детей.

– Господи, – вздохнул отец, с сокрушенным видом полез в левый внутренний карман пальто, вытащил фляжку и налил рубиновую жидкость в чайную чашку.

– Что вы делаете? – спросил Райан.

– Принимаю лекарство.

– Лекарство? И что же разливают во фляжки? Алкоголь?

– Нет. То есть да, в некотором роде. Нет.

– Только не говорите, что это лауданум.

– Я вам уже сказал: я принимаю лекарство. У меня жуткие лицевые боли, и лауданум – единственное средство, которое может их облегчить.

– Лицевые боли?

– А также расстройство желудка, – добавил отец и сделал большой глоток. – Еще с юношеских времен.

– Но вы выпили не меньше унции, – ужаснулся констебль.

Отец отхлебнул еще рубиновой жидкости.

– Остановитесь. – Констебль потянулся к чашке. – Боже мой, вы что, пытаетесь убить себя?

Отец подтащил чашку поближе к себе, чтобы Беккер не смог ее забрать.

– Убить? – Пот на его лбу стал более заметным и помутнел. – Что за странная мысль? – Он повернулся к инспектору Району. – Смотрю, у вас есть моя последняя книга.

– «Убийство как одно из изящных искусств», – сказал инспектор.

Отец снова отпил из чашки.

– Да, так называется мое эссе.

Беккер посмотрел на меня.

– Мисс Де Квинси, может быть, вам угодно пройти на кухню и присоединиться к экономке или же отправиться в свою комнату?

– А почему это должно быть мне угодно?

– Боюсь, наши разговоры могут вас расстроить.

– Я читала работу отца и знаю, о чем в ней говорится.

– Все равно – те факты, которые нам необходимо обсудить, вас, возможно, шокируют.

– Если увижу, что для меня это чересчур, я уйду, – объявила я констеблю.

В гостиной наступила тишина. Инспектор и констебль несколько секунд молча глядели друг на друга, словно решали, как поступить дальше.

– Ну хорошо, раз вы так настаиваете, что хотите остаться, я начну, – сказал Район. – В декабре тысяча восемьсот одиннадцатого года в районе Рэтклифф-хайвей Джон Уильямс вошел перед самым закрытием в одежную лавку. При помощи молотка с инициалами Дж. П. он размозжил голову владельцу лавки, его жене и подручному, а также младенцу. Затем он перерезал ребенку горло.

Инспектор зря постарался живописать совершенное злодеяние, чтобы вынудить меня покинуть гостиную; я собралась с силами и не проявила никаких эмоций.

– Все точно, – подтвердил отец.

– То же самое произошло в районе Рэтклифф-хайвей вчера вечером, – добавил инспектор. – Только на этот раз убито двое детей.

– Двое? – Отец медленно поставил чашку. – Ох.

– У нас масса вопросов, – продолжал Район. – Откуда вам известно столько мельчайших подробностей убийств, которые были совершены сорок три года назад? Почему все годы вы упорно продолжали воспевать эти убийства? Что побудило вас описать их в таких красочных деталях не далее как в прошлом месяце? Наконец, я снова задаю вопрос: где вы были вчера в десять часов вечера?

– И я снова отвечаю: бродил по улицам.

– По каким улицам?

– Понятия не имею. Я был погружен в мысли.

– И вы ждете, что мы поверим, будто вы не обращали внимания, где находитесь?

– В таком-то тумане? Даже если бы я не был занят, то все равно ничего бы не разглядел.

– Чем вы были заняты?

– Это мое личное дело.

– Когда дело касается убийства, мы вольны задавать самые нескромные вопросы.

Я больше не могла молчать.

– Это возмутительно! Вы же не хотите сказать, что мой отец имеет отношение к этому чудовищному преступлению?

– Ваш отец является большим специалистом по убийствам. Он помешан на них.

– Эти убийства совершены сорок три года назад! – Я сама смутилась, оттого что перешла чуть ли не на крик, и заговорила тише, но таким же суровым тоном. – Мой отец – профессиональный писатель, автор статей для журналов. Время от времени он пишет на разные актуальные, сенсационные темы, чтобы помочь издателям продать больше экземпляров. А убийство – это популярная тема.

– Вчера вечером – несомненно.

Инспектор посмотрел на Беккера, словно передавая ему эстафету.

– Мисс Де Квинси, – мягко начал констебль, явно стремясь завоевать мое доверие, – вы хотя бы примерно представляете, в какое время ваш отец вернулся с прогулки?

– Нет.

– А когда он ушел, вам известно?

– Я слышала его шаги на лестнице около девяти.

– И оставался час, чтобы к десяти оказаться у магазина, – пробормотал себе под нос инспектор. – Вполне возможно для человека, привыкшего проходить пешком большие расстояния.

– Вы слышали, когда отец вернулся? – продолжал расспросы констебль.

– Нет.

– В три часа ночи! – крикнула с кухни миссис Уорден.

– Точно, – кивнул отец. – Я вернулся в три.

– Масса времени, чтобы дойти до дома с места преступления, – так же тихонько произнес Район.

Я снова повысила голос – мне уже было все равно.

– Да вы посмотрите на этого человека! Ему шестьдесят девять лет! Он маленького роста. Субтильный.

– Пожалуйста, Эмили, не называй меня субтильным, – попросил отец. – Я худощавый. В этом месяце – а сегодня только одиннадцатое число – я прошел уже сто пятьдесят миль.

– Вы на самом деле верите, что у моего отца достаточно силы, чтобы убить трех взрослых человек при помощи... как вы говорили?

– Молотка корабельного плотника, – подсказал констебль.

– Должно быть, он тяжелый.

– Да, это серьезный инструмент.

– А теперь посмотрите на его руки.

Полицейские обернулись к отцу. Возможно, эффект был вызван лауданумом, но сидящий на стуле отец казался еще меньше обычного, ботинки едва доставали до пола.

– Он просто не мог бы сделать то, о чем вы говорите, – подчеркнула я.

– Один – нет, – заявил Район. – Но преступление могли совершить два человека – один, обладающий знаниями, второй, обладающий силой.

– Послушайте, вы испытываете мое терпение. Наверное, дальше вы предположите, что это я помогла отцу убить всех этих людей. Хотите узнать, где я была вчера в десять часов вечера?

– Мисс Де Квинси, честное слово, я не думаю...

– Я была в постели. Но боюсь, у меня нет свидетелей.

Покрытые щетиной щеки обоих полицейских залились краской.

– Значит, молоток корабельного плотника? – подал голос отец.

– Да, – подтвердил инспектор. – Понимаете, что это означает?

– Сходство более чем очевидно.

– На самом деле оно еще больше. На молотке гвоздем были нацарапаны инициалы. Попробуете угадать какие?

– Дж. П.? Это невозможно!

– Но это так. На молотке действительно вырезаны буквы «джей» и «пи» – те же самые буквы обнаружили на молотке, которым были убиты люди сорок три года назад и о которых вы написали в своей книге, посвященной восхвалению убийства как высокого искусства. И я вынужден настаивать, – тут инспектор встал, – чтобы вы отправились с нами в Скотленд-Ярд и ответили там на наши вопросы в более подходящей обстановке.

– Нет, – заявил отец, – я не поеду с вами в Скотленд-Ярд.

Район шагнул к отцу.

– Вы заблуждаетесь. Поверьте мне, сэр, вы так или иначе поедете с нами в Ярд – а вот по собственной воле или по принуждению, решать вам.

– Нет, – твердо повторил отец. Потом допил остатки лауданума и сказал: – Не в Скотленд-Ярд. Боюсь, обсудить все мы сможем лишь в одном месте.

– Да? И что это за место?

– Где произошло убийство.

Глава 6

Клиент могильщиков

Сгущалась тьма, и сгущался туман. Возле лавки не метались больше лучи полицейских фонарей. Расследование подходило к концу, были опрошены все соседи, обысканы все возможные места.

Тем не менее на улице было беспокойно. Когда Райан и Беккер выбрались из экипажа, они сразу поняли, что им, возможно, придется столкнуться с серьезными проблемами. Большинство зевак, торчавших возле места преступления днем, возвратились в свои дома. Они отступили перед лицом неведомого ужаса, который мог таиться в ночи. Оставшиеся же успели основательно накачаться спиртным и шумели так, словно их было раз в десять больше. В руках люди держали дубинки, сабли и ружья. И с этим ничего нельзя было поделать. Закона о ношении оружия в стране не существовало, поэтому даже дети могли ходить по улице с пистолетом.

– Сколько вы еще останетесь здесь и будете защищать нас? – спросили из толпы констебля, стоящего у входа в лавку.

– До тех пор, пока идет расследование.

– И сколько это? До завтрашнего вечера?

– Возможно, – коротко ответил полицейский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.